

Реклю Элизе.

Избранные сочинения

Оценивать и устанавливать значение Э. Реклю в науке нам не приходится. Всякому более или менее причастному к науке известно, что она потеряла в нем одного из лучших и трудно заменимых своих работников. Не менее известна и социалистическая деятельность Э. Реклю, по крайней мере западно-европейским социалистам. В конце 60-х годов он примкнул к федералистическому крылу интернационала, покинув вместе с Бакуниным конгресс Лиги Мира и Свободы. С тех пор, не покладая рук, он работал для распространения своих анархических взглядов, будущее торжество которых не вызывало в нем ни малейшего сомнения. П. Кропоткин.

- Предисловие
- Анархия
- Анархия и церковь
- О вегетарианстве
- Богатство и Нищета
 - I. Земельная собственность
 - II. Городская собственность
 - III. Положение крестьян
 - IV. Положение фабрично-заводских рабочих
 - V. Статистика нищеты
 - VI. Заключение
- Почему анархисты не голосуют
- Моему брату-крестьянину.

- Родина и человечество
- Законное развитие и Анархия
- Книгоиздательство

Предисловие

1921, источник: [здесь](#)

Оценивать и устанавливать значение Э. Реклю в науке нам не приходится. Всякому более или менее причастному к науке известно, что она потеряла в нем одного из лучших и трудно заменимых своих работников.

Не менее известна и социалистическая деятельность Э. Реклю, по крайней мере западно-европейским социалистам.

В конце 60-х годов он примкнул к федералистическому крылу интернационала, покинув вместе с Бакуниным конгресс Лиги Мира и Свободы.

С тех пор, не покладая рук, он работал для распространения своих анархических взглядов, будущее торжество которых не вызывало в нем ни малейшего сомнения.

Известно участие Э. Реклю в Парижской Коммуне 1871 г., где он под конец был взят Версальской армией с ружьем в руках.

Цриговоренный к вечной ссылке в Кайенну, Э. Реклю был вырван оттуда горячими протестами ученого мира (между прочим, Дарвина и Уолеса). По возвращении из ссылки он взялся за свой колоссальный труд „Всемирную Географию“ (18 том.), которую закончил только в 1894 году.

Окончив „Всемирную Географию“, он начал свой последний большой труд „Земля и Человек“ (5 том.), где он разбирает в их взаимной связи эволюцию земли, человека и его учреждений.

Кроме того он сотрудничал в бесчисленном количестве периодических изданий на разных европейских языках. Между прочим, будучи вегетарианцем, он написал несколько статей в его защиту.

Русские и заграничные легальные газеты, посвятившие Э. Реклю, после его смерти, целые статьи, старались ватушевать революционную сторону его жизни и деятельности. А между тем, Э. Реклю всю свою жизнь оставался революционером. Единственным выходом из отчаянного современного положения он считал социальную революцию и по мере сил работал для скорейшего ее осуществления.

Анархия

1921, источник [здесь](#)

Анархия не новая теория. Само слово, в смысле „отсутствия правительства“, „общества, существующего без начальников“ — древнего происхождения и было в употреблении еще задолго до Прудона.

Впрочем, вопрос о происхождении слова не важен. Существовали „акраты“ и до анархистов, и сами акраты изобрели свое научное название только после того, как бесчисленные поколения их сменили друг друга. Во все времена существовали свободные люди, презиравшие законы, не признававшие никакой власти над собой и жившие на основании права своего существования и по велениям своего рассудка. Даже в первобытные времена мы всюду видим племена, состоящие из самоуправляющихся людей, не имеющих над собою никаких насильно наложенных законов и никаких правил поведения, кроме „своего хотения и доброй воли“, говоря словами Раблэ.

Но если анархия так же стара, как само человечество, современные представители ее приносят однако в мир нечто новое. Они точно сознают цель, которую хотят достигнуть, и где бы они ни находились, они все единодушно стремятся к своему идеалу, состоящему в отрицании какой бы то ни было формы правительства. Мечта о всемирной свободе уже перестала быть чисто философской и литературной утопией, какою она была для древних основателей Городов Солнца или Новых Ерусалимов; она стала деятельным исканием живой реальности для множества людей, единодушно, дружно.

Настоящая брошюра представляет собою сюжет доклада, который должен был быть прочтен в одной масонской ложе в 1894 году и решительно работающих для рождения такого облиственного строя, в котором не будет больше никаких начальников, не будет официальных блюстителей нравственности, не будет ни тюремщиков, ни палачей, ни богатых, ни бедных, а только люди, равные между собою в правах, братья, имеющие каждый свою ежедневную долю хлеба насущного и живущие в мире и согласии не в силу пресловутого повиновения законам, сопровождаемого страшными наказаниями для ослушников, а в силу всеобщего уважения интересов других, в силу научного следования законам природы.

Многим из вас этот идеат несомненно покажется недостижимым, но я не сомневаюсь в том, что большинство из вас находит его желательным, и что и вы предвидите в будущем мирное общество, в котором примиренные между собою люди предоставляют своим мечам покрыться ржавчиной, сплавят свои пушки и разоружат свои крейсера.

Разве вы не из тех, которые уже давно, в продолжение нескольких тысячелетий, по вашим словам, работают для воздвижения храма равенства? Вы ведь „каменщики“ (масоны), т. е.

стремитесь „построить" совершенное здание, в которое входят только свободные и равные люди, братья, неустанно работающие для самосовершенствования и возрождающиеся, благодаря силе своей любви, для новой жизни, полной справедливости и любви. Это так, не правда ли? И вы не одни! Вы не претендуете на исключительное обладание духом прогресса и обновления. Вы не совершаете даже несправедливости — забывать своих специальных врагов, тех, которые проклинают вас, предают вас анафеме — горячих католиков, призывающих все наказания ада на врагов Святой Церкви, но которые тем не менее тоже предсказывают наступление в будущем эпохи вечного мира. Франциск Ассизский, Екатерина Сиенская, Тереза Авильская и многие другие из среды верных приверженцев чуждой нам религии несомненно любили человечество самую искреннюю любовью, и мы должны включить их в число тех, которые посвятили свою жизнь служению идеалу всеобщего счастья. В настоящее же время миллионы и миллионы социалистов, к какой бы школе они ни принадлежали, также борются за наступление будущего строя, в котором будет сломлено могущество капитала и в котором люди получат, наконец, возможность назвать себя „равными" без иронии!

Таким образом, цель анархистов общая у них со многими благородными людьми, принадлежащими к самым разнообразным религиям, сектам и партиям, но они отличаются от этих последних относительно средств, на что ясно указывает их название.

Завоевание власти всегда было главной заботой революционеров, даже тех, которыми руководили наилучшие намерения.

Полученное ими воспитание не позволяло им представить себе возможность существования свободного общества, функционирующего без установленного правительства; поэтому, только что ниспровергнув ненавистных правителей, они спешили поставить на их место других, на которые возлагалась, по вековечной формуле, „забота о счастье своих народов". Обыкновенно революционеры не принимались даже за низложение существующего государя или династии, не выразив предварительно свою покорность какому-нибудь будущему властелину. „Король убит, да здравствует король!" кричали подданные, остававшиеся верными даже во время восстания. В течение многих и многих веков таков именно был неизменный ход исторических событий.

„Разве можно жить без господина?" говорили себе рабы, жены, дети, рабочие как городские, так и сельские, и покорно впрягались в ярмо. Помните повстанцев 1830-го года, приветствовавших „лучшую из республик" в лице нового короля, и республиканцев 1848-го года, скромно возвращавшихся в свои конуры после того, как они перенесли три месяца лишений в жертву временного правительства. В то же самое время революция вспыхивала и в Германии, и во Франкфурте собирался народный парламент: „Старая власть стала уже трупом!" восклицал один из представителей. „Да", отвечал ему президент, „но мы воскресим ее. Мы обратимся к помощи новых людей, которые сумеют вернуть власти утраченное доверие нации".

О этой точке зрения анархия действительно представляет собою новый дух. Анархистов нельзя упрекать в том, что они стремятся свергнуть существующие правительства для того, чтобы занять их места. Они с отвращением отворачиваются от формулы: „Уходи оттуда,

чтоб я встал на твое место"! и если бы кто-нибудь из них, отравившись ядом властолюбия, стал бы добиваться какой-нибудь влиятельной должности под предлогом тоже „осчастливить своих сограждан", они отнеслись бы к нему с презрением, или по крайней мере с жалостью. Основываясь на наблюдении действительности, анархисты говорят, что государство и все, что связано с ним, не представляет собою чего-то абстрактного, какую-нибудь философскую формулу, а совокупность людей, поставленных в особые условия и подчиненных влиянию этих последних; им предоставлены высшие должности, больше власти и больше содержания, чем остальным их согражданам, и это почти поневоле заставляет их считать себя выше обыкновенных людей, а между тем всевозможные искушения, которым подвергает их занимаемое ими положение, почти фатально заставляют их падать ниже общего уровня. Мы это беспрестанно повторяем нашим братьям — часто братьям-врагам — государственным социалистам: „Берегитесь своих вожаков и представителей! Несомненно, что ими руководят такие же чистые намерения, как и ваши; они горячо желают уничтожения частной собственности и тиранического государства; но новая среда, новые люди, новые условия мало-по-малу меняют их; нравственно они меняются по мере того, как изменяются их интересы и, сами того не подозревая, они невольно начинают изменять делу своих избирателей. Становясь у власти, им тоже придется пользоваться ее орудиями: армией, официальными моралистами, судьями, жандармами, полицией и шпионами". Уже три тысячи лет тому назад индусский поэт Мага Барата следующим образом формулировал на этот счет многовековой опыт: „Кто едет в повозке, никогда не будет товарищем того, кто идет пешком⁸.

Взгляды анархистов на этот счет самые определенные: по их мнению, завоевание власти может иметь своим последствием только продолжение этой власти и вместе с тем соответствующего ей рабства. Таким образом нам недаром дают название „анархистов", которое в сущности представляет собою только отрицание. Нас можно было бы еще называть „свободниками" (libertaire), как охотно называют себя многие из нас, или „гармонистами" ибо мы полагаем, что будущее общество будет основано на совершенно свободном согласовании воли его членов; но оба последние названия недостаточно отличают нас от других социалистов. Наше существенное отличие состоит именно в нашей отрицании всякой официальной власти, мы смотрим на каждую отдельную -личность, как на отдельный центр вселенной, и, по нашему мнению, каждая из них имеет право на всестороннее, интегральное развитие без всякого участия какой бы то ни было власти для его направления, управления или для его карания.

Вам известен наш идеал. Теперь возникает вопрос: „Действительно ли это великий идеал, стоящий того, чтобы люди великодушные жертвовали собою ради его достижения, стоящий того, чтобы мы подвергались ужасному риску революции? Будет ли человек в свободном обществе, основанном на анархической нравственности, лучше, чем в обществе, основанном на страхе перед властью и перед законами?" На этот вопрос я смело отвечаю, и надеюсь, что и вы вскоре ответите вместе со мною: — Да, анархическая нравственность именно та, которая наиболее соответствует современным понятиям о справедливости и о доброте.

Вы знаете, что в основе старой нравственности лежал один только страх. „Страх Божий — начало мудрости** — такова была в прежние времена точка отправления образования* Все общество было тогда основано на страхе: люди не были еще гражданами, а только

подданными или же паствою, жены — служанками, дети — маленькими рабами, над которыми родители пользовались еще некоторыми остатками прежнего права жизни и смерти. Всюду, во всех сношениях людей между собой, замечались начальнические и подчиненные отношения; наконец, даже в наши дни в основании самого принципа государства и всех отдельных составляющих его по государствам лежит иерархия или святая архия, „священная" власть, — таков именно истинный смысл этого слова. Эта священная иерархия влечет за собою разделение общества на целый ряд классов, наслоенных друг на друга, при чем все высшие пользуются правом командовать, а на всех нижних лежит обязанность повиноваться. Официальная нравственность состоит в том, чтобы преклоняться перед начальником и гордо выпрямляться перед подчиненным. Всякий человек должен иметь два лица, как Янус, и две улыбки: одну льстивую, предупредительную, подчас холопскую, другую горделивую с оттенком благородной снисходительности. Принцип власти — так называется эта вещь — требует, чтобы начальник никогда не имел вида, что он не прав, и чтобы за ним всегда и во всем оставалось последнее слово, а самое главное, чтобы все его приказания в точности исполнялись. Это упрощает все: не нужно больше ни разсуждений, ни объяснений, ни нерешительности, ни обсуждений. Тогда все делается само собою, все равно, хорошо ли или нехорошо. А если случается, что нет в наличности начальника, чтобы принять от него приказания, за то разве не имеются всегда под руками совсем готовые формулы в виде правил, указов или законов, изданных теми же самодержавными государями или иного рода законодателями? Эти готовые формулы вполне заменяют собою непосредственные приказания, и им следуют, не справляясь с тем, согласны ли они с внутренним голосом совести или нет.

Между равными дело усложняется, но за то оно и более высокое: здесь приходится настойчиво искать правды, найти личный долг, научиться познавать самого себя, вечно заботиться о своем развитии, стараться не задевать интересов своих товарищей. Только при этих условиях можно стать действительно нравственным существом, сознающим свою ответственность. Но здесь нравственность не является приказанием свыше, которому надобно подчиняться; она не является чем-то чуждым, внешним, а становится частью существа человека, продуктом самой жизни. Мы, анархисты, именно таким образом понимаем нравственность, и разве мы не имеем права с удовольствием сравнивать нашу нравственность с тою, которую нам оставили в наследство наши предки?

Не находите ли вы, что я прав? Но, может быть, некоторые из вас скажут, что это химера? Я рад, что вы хоть находите, что это благородная химера! Но я иду дальше и утверждаю, что наш идеал, наше понимание нравственности исторически логично и прямо вытекает из эволюции человечества.

Ужас перед неизвестным и чувство собственного бессилия в искании причин заставило людей, в отдаленные от нас времена, создать одно или несколько услужливых божеств, представлявших собою в одно и то же время и более или менее определенный идеал тогдашних людей и центр тяжести всего таинственного видимого и невидимого мира. Эти произведения фантазии, одаренные всемогуществом, стали также для человека основаниями справедливости и власти; эти небесные властители имели, разумеется, на земле своих посредников в лице магов, сановников, полководцев, перед которыми люди

привыкли преклоняться, как перед представителями высшей, неземной власти. Это было логично; но человек вообще переживает свои творения, и потому эти божества не переставали изменяться, точно тени, отброшенные в бесконечное пространство: сначала они оставались видимыми, одаренными сильными человеческими страстями, но мало-помалу отступили в бесконечную даль; затем, превратились в абстрактные понятия, в высокие и прекрасные идеи, не нашедшие даже собственного имени и, наконец, мало-помалу смешались и слились с мировыми законами; они вошли в тот самый мир, создание которого было им раньше приписано, и теперь человек находится на земле уже один без них, на той самой земле, над которой он воздвигнул было колоссальное изображение бога.

С исчезновением божества, потускнел и блеск тех, которые получали от него власть, и им пришлось мало-помалу войти в ряды остальных людей и постараться так или иначе примениться к новым условиям. В наши дни уже невозможно найти такого Тамерлана, который приказал бы своим сорока придворным сброситься вниз с башни в уверенности, что в тот же миг он увидит у ее подножья сорок окровавленных трупов. Свобода мысли сделала всех людей бессознательными анархистами. Кто не сохраняет в настоящее время хоть небольшой уголок своего мозга для обсуждения, для мышления? В этом именно и заключается величайшее преступление, то преступление, которое символизируется плодом древа познания добра и зла. Вот почему Церкви всегда была ненавистна наука. Вот почему Наполеон, этот Тамерлан новейших времен, не выносил идеологов.

Однако идеологи явились. Они, как прах, сдули старые иллюзии и принялись заново переделывать всю науку, основываясь на наблюдении и на опыте. Один из них, нигилист наших времен, анархист, по крайней мере на словах, начал с того, что отбросил от себя все, чему его раньше учили, и в настоящее время нет такого ученого, нет такого литератора, который не заявлял бы, что он сам оригинальный творец своих мыслей и моралист своей морали. „Если ты хочешь встать — встань сам“, говорил Гете. Даже художники стараются передать природу такую, какою они сами ее видят, чувствуют и понимают. Правда, эта самостоятельность носит обыкновенно такой характер, что ее можно было бы назвать „аристократическим анархизмом“, так как она требует свободы только для избранных, вступающих в Парнас. Каждый из них хочет мыслить вполне свободно и искать в бесконечности тот идеал, который ему больше нравится, но в то же время считает, что „нужна религия для народа“; он хочет жить совершенно независимо, но полагает, что „подчинение — удел женщины“; он хочет творить оригинальные произведения, но, по его мнению, толпа, которая копошится там, внизу, должна быть, как машина, подчинена гнусному функционированию разделения труда. Однако, у этих аристократов вкуса и мысли не хватает уже сил запереть великие шлюзы, сквозь которые изливается поток. Если наука, литература и искусство стали анархистами, если всякий прогресс, всякая новая форма красоты обязаны своим существованием свободному развитию мысли, эта свободная мысль работает также и в низах общества, и уже ничто не может остановить эту работу. Тверь уже поздно остановить поток.

Разве уменьшение почитания не является наиболее характерным явлением современного общества? Много лет тому назад мне приходилось видеть, как тысячные толпы народа кидались смотреть на пустую карету какого-нибудь большого барина. Теперь я этого уже не увижу. Еще недавно индейские парки благочестиво останавливались в ста пятинадцати

шагах, которые по закону отделяли их от надменного брамина: с тех пор, как люди стали толпиться на железнодорожных станциях, между ними стоит только тонкая стена вокзального зала. Конечно, примеры низости и холопской приниженности и теперь еще не редкость, но, тем не менее, прогресс идеи равенства неоспорим. Теперь, прежде, чем выразить свое уважение, люди часто спрашивают себя: действительно ли данный человек или учреждение заслуживают это уважение. Вера в величие исчезла, а за нею должны последовать и все те учреждения, которые основаны на ней. Уничтожение государства тесно связано с исчезновением почитания.

Беспощадная критика, которой в настоящее время подвергается государство, не щадит также все остальные государственные учреждения. Народ уже совершенно не верит в священное происхождение частной собственности, являющейся, как говорили экономисты (теперь уже они не осмеливаются утверждать это), продуктом личного труда ее обладателей; народ знает, что личный труд никогда не громоздил миллионы над миллионами, и что такое чудовищное обогащение является всегда результатом дурного общественного строя, предоставляющего одному человеку плоды труда тысяч других людей; народ будет всегда уважать хлеб, который работник добыл себе в поте лица, хижину, которую он себе построил своими руками, сад, который он сам посадил, но он несомненно перестанет уважать все фиктивные состояния, которые представляют собою всевозможные ценные бумаги, хранящиеся по банкам. Наступит день, я в этом не сомневаюсь, когда он спокойно вернет себе все продукты общего труда: рудники и поместья, заводы и замки, железные дороги, корабли и их грузы. Когда толпа, „подлая“ толпа, ставшая такою вследствие своего невежества и фатального результата этого последнего — холопства, перестанет заслуживать оскорбительный эпитет, который ей кидают в ливр, когда она будет сознавать, что обладание этими колоссальными состояниями зиждется исключительно на писаных фикциях, на вере в синие бумажки, тогда современный общественный строй будет находиться в большой опасности. Какими нелепыми, какими бессмысленными покажутся нашим преемникам безумные крики, с которыми набрасываются на новаторов! Что значит для нас вся грязь, которую избивает на нас продажная пресса, обязанная отплачивать своей прозой за получаемые ею пособия! Что значат для нас даже те оскорбления, которыми вполне искренно награждают нас те самые благочестивые, святые, но „простые“ люди, которые приносили дрова для костра Тоанна Гусса! Охватившее нас движение — дело не какихнибудь демагогов или жалких мечтателей, а всего общества в его целом; оно стало теперь необходимостью, благодаря наступательному ходу мысли, ставшему уже неизбежным, неукротимым, как вращение земли и небесных светил.

Однако может остаться еще одно сомнение, может явиться вопрос: не была ли анархия всегда только идеалом, умственным упражнением, диалектическим элементом? Была ли она когда-нибудь реализована, применена на практике; возникал ли когда-нибудь совершенно самостоятельно такой общественный организм, члены которого, добровольно, товарищески соединив свои силы, работали сообща, не имея вад собою никакого начальства? На это сомнение разрешить не трудно. Да, анархические организмы существовали всегда; да, они беспрестанно продолжают возникать, с каждым годом все больше и больше, параллельно с развитием личной инициативы. Я мог бы указать вам много племен, называемых дикими, которые даже в наши дни живут в полной общественной гармонии, не нуждаясь ни в

начальниках, ни в законах, ни в оградах, ни в войске; но я не останавливаюсь на этих примерах, хотя они и не лишены значения: я боюсь, что, в виде возражения, мне укажут на немногосложность этих первобытных организмов в сравнении с нашим современным общественным строем, этим колоссальным организмом, в котором бесконечно разнообразно переплетается такое множество организмов более мелких. Оставим, поэтому, в стороне эти племена и займемся только уже организованными нациями, обладающими сложным политическим и общественным механизмом.

Признаюсь, что в истории я не могу вам указать ни одну из них, которая сорганизовалась бы на чисто анархических началах, потому что тогда все они находились в периоде борьбы между различными, еще не соединившимися элементами; однако нетрудно заметить, что каждое из этих обществ, еще не слившихся в одно гармонически целое, пользовалось тем большим благосостоянием, отличалось тем большей производительностью, чем оно было свободнее, чем больше в нем признавалось личное достоинство отдельной личности. Начиная с доисторических времен, с той поры, когда в человеческих обществах только зарождались искусства, науки и промышленность, величайшими периодами истории народов были те, в которых люди, волнуемые революциями, наименьше подвергались продолжительному и тяжелому гнету правильно установленного правительства. Два лучших периода истории человечества по важности открытий и изобретений, по развитию мысли, по расцвету искусства были смутными временами, временами „опасной свободы“. В бесконечном царстве мидян и персов царствовал порядок, но из них не вышло ничего великого, тогда как вечно волнуемая, беспрестанно потрясаемая смутами республиканская Греция произвела родоначальников всего, что есть великого и высокого в достоянии современной цивилизации; мы не можем мыслить, не можем предпринять ничего выдающегося без того, чтобы наша мысль не обратилась тотчас же к этим великим эллинам, бывшим нашими предшественниками и до сих пор остающимся нашими образцами. Две тысячи лет спустя, после многочисленных тираний, после мрачных времен угнетения, которому, казалось не будет конца, Италия, Фландрия, Германия, вся Европа городских общин вновь захотела вздохнуть свободно; тогда мир был потрясен бесчисленным количеством революций: Феррари насчитал не менее 7000 местных восстаний в одной только Италии; но вместе с ними разгорелось пламя свободной мысли, и человечество вновь вступило на путь процветания; благодаря Рафаэлю, Винчи и Микеланджело оно вторично почувствовало себя молодым. Затем наступил великий век энциклопедии и последовавших за нею мировых революций и объявление Прав Человека. Попробуйте теперь, если можете, перечислить весь прогресс, который совершился после этого великого потрясения человечества! Право, можно спрашивать себя, не сконцентрировалась ли в XIX-м столетии большая половина человеческой истории. Количество людей увеличилось более, чем на пол-миллиарда, торговля более, чем удесятилась, промышленность преобразилась, и ее средства поразительно обогатились, появились новые науки и, что бы там ни говорили, для искусства наступила третья эпоха; сознательный и международный социализм достиг своего полного развития. Мы по крайней мере чувствуем, что живем в веке великих задач и великой борьбы. Попробуйте теперь заменить те сто лет, которые вышли из философии XVIII-го века таким же продолжительным периодом, лишенным истории, в течение которого каких-нибудь 300 миллионов мирных китайцев прожили бы под опекою какого-нибудь „Отца Народа“, дипломированных мандаринов и свода обрядов. Вместо того, чтобы прожить так, как прожили мы, мы постепенно приблизились бы к бездействию и к смерти. Если Галилей,

сидя еще в тюрьмах инквизиции, мог только глухо бормотать: „А все-таки она движется!“ мы теперь, благодаря революциям, благодаря насилиям свободной мысли, мы можем громко кричать на улицах и на площадях: „Свет движется и будет продолжать двигаться!“

Кроме этого великого движения, постепенно ведущего все общество к свободной мысли, к свободной морали, к свободному поведению, т.-е. к анархизму, имеет место еще другого рода работа: прямые опыты, путем основания анархических и коммунистических колоний; это небольшие попытки, которые можно сравнить с лабораторными опытами, делаемыми химиками и инженерами. Все эти опыты оснований образцовых общин страдают весьма крупным недостатком, все они производятся вне обычных условий жизни, т.-е. далеко от городов, в которых сталкиваются люди, рождаются идеи и обновляются умы. Несмотря на это, многие из таких предприятий достигли полного успеха. Между прочим Молодая Икаррия, преобразованная колония Кабэ, основанная около полувека тому назад на началах авторитарного коммунизма; увеличившаяся благодаря иммиграции и ставшая чисто анархической группа коммунистов скромно живет в настоящее время в равнине Юва, возле Монашеской реки.

Однако практика анархизма более всего торжествует в обыденной жизни, особенно среди простого народа, который без сомнения не был бы в состоянии выдержать грозную борьбу за существование, если бы не прибегал к добровольной взаимной помощи, не обращая внимания на разницу и соперничество интересов. Когда кто-нибудь из бедняков заболевает, другие бедняки берут к себе его детей: его кормят, с ним делятся скудным заработком, стараются, работая вдвойне, выполнить и его работу. Между соседями устанавливается нечто вроде коммунизма, благодаря ссудам и непрерывному движению взад и вперед хозяйственных принадлежностей и запасов. Бедность связывает всех несчастных в один братский союз: вместе они нуждаются, вместе и насыщаются. Анархическая мораль и анархическая практика являются правилом даже для буржуазных сборищ, откуда, невидимому, они совершенно устранены. Представьте себе пикник, в котором какой-нибудь гость или сам хозяин принял бы начальнический тон и позволил бы себе командовать остальными или делать бестактные попытки заставить остальных подчиняться его прихотям! Разве это не убило бы всякое удовольствие, всякое веселье? Веселье царствует только между равными и свободными людьми, которые могут развлекаться так, как им заблагорассудится, поодиночке или небольшими группами, но которые предпочитают веселиться вместе, потому, что проведенные таким образом часы кажутся им слаже.

Тут я позволю себе рассказать вам один случай, имевший место однажды со мною. Мы ехали на одном из тех великолепных современных пароходов, которые разрезают волны со скоростью 15 — 20 узлов в час и проводят прямую линию от одного континента до другого, не взирая на ветер и на непогоду. Был мягкий вечер, в воздухе было совершенно спокойно, и на потемневшем небосклоне зажигались звезды. На рубке шла беседа, и о чем же было разговаривать, как не об этом вечном социальном вопросе, который как эдиповский сфинкс сжимает и душит вас. На бывшего в группе реакционера с живостью нападали остальные собеседники, которые все были более или менее социалистами. Вдруг он обратился к капитану, к начальнику, к хозяину, надеясь найти в нем поддержку своим взглядам: „Вы тут начальник“, сказал он, „разве ваша власть не священна? Что стало бы с кораблем, если бы вы вдруг перестали управлять им?“ — „Наивный вы человек“, отвечал капитан, „между нами

я могу сказать, что обыкновенно я совершенно бесполезен. Рулевой сохраняет направление корабля, через несколько минут его сменит другой, потом 3-й и т. д., и мы будем продолжать правильно подвигаться вперед по, обычному пути, без всякого участия с моей стороны. Внизу работают машинисты и кочегары, работают без моей помощи, ни о чем не спрашивая меня, и лучше, чем если бы я стал давать им какиенибудь советы. Также хорошо знают, что им нужно делать, и все матросы, иногда мне приходится только согласовать свою небольшую долю труда с их более тяжелым, хотя и хуже оплачиваемым трудом. На моей обязанности конечно лежит направлять корабль, но разве не видите, что это только фикция? Вот карты, и не я их составил; вот направляющий нас компас, и не я его изобрел; для нас вырыли каналы того порта, откуда мы вышли, и того, куда идем; не я построил и этот великолепный корабль, еле поскрипывающий под ударами волн, величественно качающийся от зыби, мощно подвигающийся вперед под давлением пара. Что такое представляю здесь я, в сравнении с великими покойниками, с изобретателями и учеными, научившими нас переходить моря? Все мы только их союзники, мы и мои товарищи матросы и вы, пассажиры, также, потому что ради вас скачем по волнам, а на случай опасности мы рассчитываем на вашу братскую помощь. Дело наше общее, и все мы между собою солидарны!" Все замолчали, и я бережно сохранил в своей памяти слова этого не совсем обыкновенного капитана.

Таким образом этот корабль, этот пловучий мир, в котором совершенно неизвестны наказания, несмотря на иерархические нелепости, плывет на себе через океан образцовую республику. И этот пример но единственный. Каждому из вас известны, хотя бы по слухам, такие школы, в которых учитель, несмотря на строгость никогда не применяемых школьных правил, видит в своих учениках друзей и счастливых сотрудников. Соответствующее начальство установило всевозможные наказания для укрощения маленьких негодников, но их старший друг не нуждается в этом механизме укрощения; он обращается с учениками, как со взрослыми, постоянно взывая к их доброй воле, к их понятливости, к их чувству справедливости, и все они радостно отвечают на этот призыв. Таким образом получается крошечное, анархическое, истинное, человеческое общество, несмотря на то, что все в окружающей среде как будто нарочно направлено к тому, чтобы препятствовать его возникновению: и законы, и правила, и дурные примеры и общественная безнравственность.

Таким образом, несмотря на предрассудки и на бремя старых нравов, анархические группы возникают беспрерывно. Наш новый мир пробивается вокруг нас, точно весенний цветок из под мусора веков. Он не только не химеричен, как это постоянно повторяют нам, но он уже показывается в тысяче разнообразных форм, только слепые этого не замечают. Зато, если есть химеричное невозможное общество, то им является именно тот кавардак, в котором мы живем. Вы согласитесь, что я не злоупотреблял критикой современного строя, несмотря на всю ее легкость, но если правда, что под обществом следует разумеать совокупность индивидов, сближающихся между собою ради достижения всеобщего благосостояния, то невозможно, не делая нелепости, дать это название окружающей нас хаотической массе. По мнению ее адвокатов (у всякого скверного дела есть защитнику), ее целью является сохранение полного порядка, посредством удовлетворения интересов всех. Но не смешно ли называть упорядоченным обществом наш европейский, цивилизованный мир с его непрерывным чередованием внутренних драм, убийств и самоубийств, насилий и ружейных залпов, вырождений и голодовок, грабежей и всякого рода мошенничеств, банкротств,

падений и разорений? Кто из нас при выходе отсюда не встретит на улице призраков порока и нищеты? В пашей Европе имеются Пять миллионов человек, ждущих только сигнала для того, чтобы начать избивать других людей, сжигать дома и жатвы; десять других миллионов находятся в запасе, вне казарм, и им может быть поручено то же дело разорения: пять миллионов несчастных живут или, точнее, прозябают в тюрьмах, 10 миллионов умирает ежегодно преждевременною смертью, и на 370 миллионов человек 350, чтобы не сказать все, дрожат в совершенно основательной тревоге за завтрашний день, потому что, несмотря на огромное количество богатств общества, кто может сказать, что какое-нибудь неожиданное стечение неблагоприятных обстоятельств не лишит его завтра же всего его имущества? Никто не может оспаривать этих фактов, и мне кажется, что они должны бы внушать нам всем твердое решение изменить такой порядок вещей, вечно грозящий революциями.

Однажды мне пришлось разговаривать с одним высокопоставленным сановником, принадлежащим к тому миру, из которого исходят законы и наказания: „Да защищайте же ваше общество!" говорил я ему. — „Как вы хотите, чтобы я защищал его", отвечал он мне, „оно не защищаемо"! Оно однако же защищается, но помощью таких аргументов, которых невозможно признать за доводы.

С другой стороны, те, которые нападают на него, могут делать это со спокойной совестью. Конечно, преобразование его вызовет и насилия, и революции, но разве нынешнее общество не есть непрерывное насилие и революция? И кто будет виноват в социальной войне? Те ли, которые проповедывают эру справедливости и равенства для всех, без различия классов и личностей, или же те, которые стремятся сохранить разделение общества, следовательно, и кастовую ненависть, те, которые издают один за другим разные стеснительные законы и умеют разрешать вопросы только посредством пехоты, кавалерии и артиллерии! История показывает нам, что политика ненависти способна породить только ненависть, фатально ухудшая общее положение дел или, пожалуй, даже вызывая окончательную гибель. Сколько народов погибло таким образом, при чем погибали вместе, как угнетаемые, так и угнетатели! Суждено ли и нам в свою очередь погибнуть? Я надеюсь, что нет, благодаря все более и более распространяющимся анархическим идеям, обновляющим личную инициативу людей. Даже сами вы, если и не состоите анархистами, то во всяком случае очень близки к этим последним. Кто из вас скажет, положив руку на сердце, что он выше своего соседа, кто не вйдет в нем брата, равного? Нравственные принципы, которые были столько раз провозглашены в этом помещении в более или менее символической форме, будут без сомнения проведены в действительную жизнь, потому что мы, анархисты, мы знаем, что эти начала, начала полной справедливости, свободы и равенства составляют собою истинную нравственность, и мы всем сердцем призываем ее, тогда как наши противники колеблются; они не уверены в своей правоте, в сущности они даже отлично понимают, что они неправы, и что будущее принадлежит нам.

Анархия и церкви

1921, источник: [здесь](#)

Наше отношение к церкви и церквям ясно определяется их собственным к нам отношением. На счет последнего невозможны ни ошибки, ни сомнения. Нас ненавидят, поносят, проклинаят. Нас обрекают не только на муки ада — для нас это лишено всякого смысла, — но требуют даже, чтобы нас преследовали светскими законами; они предают нас особенной мести королей, тюремщиков и палачей, наконец, отдают в руки изобретательных мучителей, заведующих пытками, которых содержит в своих темницах все еще живая святая Инквизиция. Попы на официальном злостном языке последних булл сражаются именно с «безумными и дьявольскими новаторами», горделивыми последователями ложной науки, с фанатиками, прославляющими свободу совести, презирающими все святое, с гнусными развратителями юношества, с поборниками преступления и несправедливости, — эти проклятые, эти отверженные, прежде всего те, которые называют себя революционерами, анархистами или свободниками.

Прекрасно. Вполне справедливо и законно, чтобы те, кто называет и мнит себя помазанниками неограниченного господства над человеческим родом, сосредоточивает всю силу своей ненависти на проклятых, которые отрицают их право на власть и осуждают все проявления этой власти. «Истребляйте. Истребляйте». Таков девиз церкви, как и во времена святого Доминика и Иннокентия III.

Христианской нетерпимости мы противопоставляем также нетерпимость, но нетерпимость людей и притом людей, проникнутых духом современной науки, а не нетерпимость кудесников и палачей. Мы всецело отвергаем как учение католицизма, так и учение всех родственных ему религий, дружественных и враждебных; мы боремся против их учреждений и дел, мы трудимся над разрушением последствий всех их поступков. Но мы делаем это без личной ненависти, потому что мы знаем, что действия людей определяются средой, где воспитывали их матери, где их кормило общество, мы знаем, другое воспитание и менее благоприятные обстоятельства могли бы и нас сделать более ограниченными, поэтому мы и стремимся, прежде всего, к тому, чтобы создать для них—если это еще не поздно — и для всех будущих поколений новые условия, которые излечат, наконец, от мании креста и от других религиозных бредней. Мы нисколько не помышляем об отмщении в тот день, когда мы окажемся сильнейшими: церковь в течение 15 веков своего господства унесла так много жертв, что эшафотов и костров оказалось бы недостаточно. При том же мечь совсем не в наших принципах, так как ненависть влечет за собой ненависть, а мы спешим начать новую эру социального мира. Наше твердое намерение, которое мы хотим осуществить, состоит не в том, чтобы «внутренностями последнего священника свернуть шею последнему королю», но сделать так, чтобы в очищенной атмосфере нашего нового общества не могли бы рождаться ни короли, ни священники. Как того требует логика, наше революционное творчество относительно церкви должно быть разрушительным, прежде

чем стать созидательным, хотя эти две фазы действий находятся во взаимной зависимости и могут осуществляться одновременно, но в различных формах, смотря по окружающей среде. Само собой разумеется, мы и не думаем насильственно разрушать искреннее верование, наивные и набожные иллюзии, мы не можем проникнуть в сознание, чтобы изгнать из него смущение духа и тревожные мечты, но мы можем приложить все старания к тому, чтобы устранить из деятельности общества все то, что противоречит признанным научным истинам; мы можем вступить в борьбу с теми, которые ищут точки опоры в божественном — вне человечества и мира, давая возможность кастам паразитов надевать личину набожных посредников между мнимым творцом и его созданиями. Так как страх и запугивание были во все времена побудительными причинами, отдавшими людей в рабство, — ведь короли, маги, священники, педагоги прибегали к этому средству в самых различных формах, — то мы будем непрестанно бороться с этим трепетом перед богами и перед священниками посредством изучения и изложения спокойной ясности вещей. Будем преследовать все выдумки, которыми заполнены преподавания, книги и искусства по милости получающих доход за счет древней богословской мудрости.

И особенно не будем забывать ставить препятствие мерзкому платежу прямых и косвенных налогов, которые у нас вымогает духовенство, прекращать постройку часовен, уличных алтарей, церквей, статуй по обету и других безобразий, которые позорят наши города и деревни. Прекратим источник миллионных доходов, со всех сторон приливающих к крупному нищему Рима и бесчисленным мелким нищим его конгрегаций. Наконец, повседневной пропагандой отнимем у священников детей, которых дают им учить, молодых людей, которых они хотят сочетать браком, умирающих, которых они кропят святой водой за приличное вознаграждение.

Пусть покинет народ христианство. Но его обращают в христианство школы, ответят нам, — как закроем мы эти школы, когда на их защиту встанут отцы семейств, требующие «свободы» воспитания, избранного ими. И вот нам, ратующим непрестанно о свободе, считающим личность достойной этого состояния, лишь в силу ее неограниченной гордой независимости, нам противопоставляют также свободу. Если бы это слово соответствовало правильным понятиям, мы могли бы лишь с уважением преклониться, чтобы остаться верными себе; но разве эта отцовская свобода заслуживает иного названия, кроме похищения, простого и явного присвоения ребенка, который должен принадлежать себе самому и которого поручают церкви и государству, чтобы его искалечили по своему усмотрению? Разве не походит эта свобода на свободу фабриканта, располагающего сотнями и тысячами рук и употребляющего их как ему заблагорассудится — на то, чтобы дробить металлы или сучить нитки — на свободу генерала, который заставляет маневрировать по своему усмотрению тактические единицы штыков и сабель. Отец, убежденный потомок римского *pater familias* имеет одинаковое право морально убивать, как сыновей, так и дочерей или что еще хуже — развращать их.

И из этих двух индивидов — отца и ребенка — на наш взгляд равных, мы должны по мере сил поддерживать более слабого: с ним мы объявим себя солидарным, ибо мы постараемся защищать от всех тех, кто вредит ему, будь то сам отец, или называющим себя таковым. Если государство посредством особого закона, продиктованного общественным мнением, отнимает у отца право осуждать своего сына на невежество, то мы, объявившие себя

солидарными с новым поколением, мы сделаем все, чтобы защитить последнего от извращенного образования. Бьют ли или мучают родители ребенка, начинают ли катехизисом или развращают его невежественные «братья», учат ли его лживой истории или фальшивой морали иезуиты, сотканной из низости и жестокости — в наших глазах все это равно преступно.

Против всего мы боремся с одинаковой энергией. Конечно, пока существует монархическая форма семьи — слепок с государства, управляющего нами — до тех пор наше твердое намерение вступить за ребенка, защищая его от родителей и священников, будет трудно осуществимо, но, тем не менее, именно в этом направлении должны быть направлены все наши усилия. Да, будем или поборниками справедливости или сообщниками преступления — середины здесь нет. В этом вопросе, как и во всех остальных социальных вопросах перед нами встает великая проблема, породившая споры между Толстым и другими анархистами. Дело идет о непротавлении или сопротивлении злу. Что касается нас, то мы находим, что оскорбленный, остающийся пассивным, отдает униженных и слабых во власть угнетателей и богачей. Будем сопротивляться без ненависти, без злобы, без жажды мщения, со спокойной гибкостью философа, который владеет и точно отражает в каждом своем поступке свою глубокую мысль и свое искреннее желание, но будем сопротивляться. Современная школа явно, безусловно, направлена против нас, подобно удару шпаги или вернее подобно миллиону шпаг, так как дело идет о том, чтобы восстановить против нас всех детей нового поколения. Мы понимаем школу, как и общество «без Бога и господина» и объединяем все силы нашего ума и воли против школ, где преподается послушание Богу и особенно его представителям, господам всех родов — отцам и монахам, королям и чиновникам. Мы равно отвергаем и все школы, где воспитывают мнимые гражданские добродетели — рабское выполнение законов и ненависть к другим народам, и те, где детям твердят о том, что они должны быть не более, как «палки» в руках священников. Мы осуждаем эти школы, и когда на нашей стороне будет сила, мы закроем их.

Пустые угрозы, скажут нам с иронией. Ведь вы еще не победители, и мы пока повелеваем королями и солдатами, чиновниками и палачами. Да, это, по-видимому, справедливо.

И все же весь этот аппарат для угнетения нисколько не пугает нас, ибо также велика сила тех, кто взял истину себе в союзницы и распространяет свет вокруг себя. История развивается благоприятно для нас, потому что, если бы наши противники объявили науку банкротом, то для нас она осталась нашим руководителем и поддержкой. Существенная разница между членами церкви и их врагами, между поработоченными людьми и свободными, состоит в том, что первые, лишённые собственной инициативы, мало-помалу слабеют и умирают, тогда, как в нас расцветает жизнь, благодаря самопроизвольной деятельности анархических сил.

Наше нарождающееся общество свободных людей, которое с трудом разрывает буржуазные путы, не могло бы иметь никакой надежды восторжествовать когда-либо, не могло бы даже родиться, если бы мы не имели перед собой истинных людей со своими собственными стремлениями и энергией, а не бесчисленную армию ханжей, расслабленных преклонением и послушанием и осужденных на хаотичность мыслей. Какова бы ни была ценность активно верующего христианина, с точки зрения его ремесла или занятий, оно с точки зрения

мышления остается лишь бесформенною и неустойчивою массою. Это живой организм.

Тем не менее не нужно забывать, что самые страшные противники — не верующие, не бедняки, умертвляющие ум, которых вы найдете распростертыми в часовнях, набожная вера которых набросила на их глаза непроницаемую повязку, скрывающую от них действительный мир, нет, гораздо страшнее этих христиан те честолюбивые лицемеры, которые ведут за собою, и те равнодушные, которые, не будучи католиками, официально присоединились к церкви. Явление на первый взгляд противоречивое: клерикальная армия растет по мере того, как уменьшается вера. Вражеские силы собираются с двух сторон: церковь объединила вокруг себя всех своих естественных сообщников, которым нужны рабы: царей, военных, чиновников всех родов, раскаявшихся вольтеррианцев и даже честных отцов семейств, которые хотели бы воспитать своих детей вполне благообразными, вышколенными, грациозными и вежливыми, но лишенными силы во взглядах и мужества в мыслях.

Впрочем, все это совершается под высоким покровительством, так называемой, «республики». Да, она по истине заслужила торжествующие слова епископа Дюпалду: «Если последствием республики будет лишь возвращение иезуитов и всех религиозных конгрегаций, то я понимаю, почему Бог разрешил ее».

И церковь, всегда падкая на грабеж, не замедлила потребовать права вступления в ее члены для всех своих новых союзников, республиканцев и других. Благодаря этому, богатства духовенства возросли в громадных размерах. В одной Франции церковные имущества увеличились более, чем в 2 раза за последние 20 лет XIX столетия.

Оценивают в миллиарды дома и земли, открыто принадлежащие попам и монахам, но сколькими миллиардами они еще владеют под именем старичков и вдов. Якобинцы почти радуются, видя как эти огромные богатства концентрируются в одних руках, и надеются, что когда-либо государство одним ударом может завладеть ими: лекарство, способное перенести болезнь в другое место, но вовсе не излечить ее. Это имущество, добытое воровством и мошенничеством, должно быть отнято силою не в пользу одного или другого класса или нескольких лиц, но в пользу всех.

Богатства эти составляют часть огромного достояния, принадлежащего всему человечеству. Все элементы реакции отныне объединены под одним и тем же символическим знаменем: крестным знаменем, и было бы наивно с нашей стороны, если бы мы позволили обмануть себя девизом этого знамени. Речь идет уже не о религиозной вере, но о господстве: искренняя вера лишь предлог для огромного большинства тех, кто хочет сохранить монополию власти и богатства. Единственная цель их — помешать во что бы то ни стало осуществлению современного идеала: для всех хлеба, свободы, работы и отдыха.

Наши враги, несмотря на то, что ненавидят и презирают друг друга, должны были все-таки объединиться в одну партию, и это важное явление должно радовать нас и побуждать к последней битве. Взятые сами по себе желания правящих классов слишком мало обоснованы, слишком нелогичны, чтобы их можно было защищать с успехом. Необходимо поэтому связать их с чем-либо высшим, с самим богом, „началом всех вещей и великим

повелителем вселенной. Так во время сражения войска, занимающие слишком открытые позиции, покидают недавно выстроенные укрепления, чтобы собраться в центре, в старинной крепости, приспособленной для современной войны,

Перенесемся в воображении к будущим временам сознательной и разумной нерелигиозности. Что станут делать в новых условиях лучшие люди? — Заменять галлюцинации точными наблюдениями, ставить на место иллюзий о рае, который был обещан голодным, — действительность, основанную на социальной справедливости, благоденствии и гармоничной работе. Не трудно будет найти для последователей гуманитарной науки более содержательное и более согласованное с нравственностью счастье, чем-то, которым в настоящее время довольствуются христиане, стремящиеся лишь избавиться от тяжелого труда — мыслить самим за себя и искать в своей собственной совести побудительную причину своих действий. Не имея видимого идола, как наши дикие предки, они хотят, по крайней мере, иметь скрытого идола, который бы залечивал раны, нанесенные их самолюбию, утешал бы их в несчастьи и даже обеспечивал бы им бесконечную жизнь, свободную от всяких забот. Но всех этих благ они просят для себя лично, их религии нет дела до тех несчастных, которые продолжают суровую и опасную жизненную борьбу. Подобно созерцающим бурю в поэме Лукреция, им приятно смотреть с берега, как борются с волнами потерпевшие кораблекрушение.

Наш идеал совсем не похож на этот христианский эгоизм человека, который спасает себя, видя гибель своего ближнего. Мы, анархисты, работаем над полным освобождением всех других, обеспечивая им возможность на началах солидарности воспользоваться всяким из наших усилий. Мы понимаем нашу личную победу лишь постольку, поскольку она становится тотчас же победой общества. Наше личное счастье можно вообразить лишь среди счастья других. Анархическое общество не означает вовсе господства привилегированных, но общину равных, оно будет великим счастьем, о котором мы в настоящее время не имеем никакого представления. Жить там, где не будет голодных вымаливающих копейку, проституток, продающих себя, чтобы достать хлеба, здоровых людей, становящихся солдатами и даже полицейскими, потому что у них нет других средств к существованию. Люди, примирившиеся между собою, так как деньги, положение и принадлежность к массе не будут создавать прирожденных врагов друг другу, смогут вместе изучать, принимать участие, следуя своим личным склонностям, в общей работе преобразования, в составлении великой книги человеческих знаний — одним словом — жить свободной, все более и более глубокой могущественно-сознательной и братской жизнью, ускользая, таким образом, от галлюцинаций религиозности, и церкви. А наслаждение искусством, ныне составляющее привилегию немногих, разве не будет достоянием всех без различия? Духовенство в настоящее время имеет претензию, которая была бы смешна, не будь она заявлена и принята за чистую истину, огромным большинством добрых людей, довольствующихся повторением одного и того же и торжественным враньем. Духовенство считает своими архитекторов средних веков, скульпторов и художников эпохи возрождения, всех артистов, которые жили в господство церкви и которые по большей части обязаны своим гением духу недовольства и даже возмущения. Когда церкви и соборы были общественными памятниками, где вся городская община сходилась на свои политические, социальные и религиозные заседания, где собирались все цехи для выяснения своих интересов, направленных даже против священников и епископов, тогда здания, которые

представляли совокупность городского населения, обязаны были своею красотой единству духа, создавшего их. Гражданская община прославляла себя в этом общем труде, которому были посвящены в течение веков средства общины: самые красивые церкви Италии и Германии, Англии и Франции, принадлежат тем городам, где граждане объединились в общины, республики, свободные города и заведывали своими делами вполне независимо, борясь в одно и то же время против знати и епископов.

Когда иезуиты, ставшие наконец господами, создали свой архитектурный стиль без помощи свободных каменщиков, предшественников «франко-масонов», тогда их тяжелые постройки с их завитками, фантастическими чудовищами и позолотой засвидетельствовали в достаточной мере, до какой степени безобразия могут прийти так называемые артисты жреческой касты. Как ракообразные животные морских берегов располагаются в прекрасных чужих раковинах, так священники приписывают себе заслугу возведения прекрасных памятников средневековья, в которые они проскользнули воровским образом. Но если бы им предоставили свободу действий, то не осталось бы ни одного из этих зданий, которое не было бы имя обезображено и опозорено. Католики, хотя и завладели официально обществом, вовсе не являются и не будут властителями последнего, так как они умеют лишь заглушать, подавлять, уменьшать: все живое ускользает от них. Пусть они поспешат провозгласить банкротство «искусства», как они сделали это с наукой, трудом, со всеми силами и способностями человека, ибо они не способны понять красоту, и их труды по необходимости будут так же мелочны, как породивший их фетишизм. Бедняки, которым они с насмешкой обещали все богатства рая, добьются, наконец, благосостояния настоящей жизни. Вопреки им возникает истинная коммуна, общество свободных людей, к которому вели нас столько предшествующих революций против священников и против короля.

О вегетарианстве

1905, источник: [здесь](#). перевод с английского М. Языковой под редакцией А. Н. Коншина
Издание «Посредника» СХХХI для интеллигентных читателей Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К. Пименовская ул., соб. д. Москва 1905.

Так как лица с большими познаниями по биологии и гигиене уже вполне точно исследовали все вопросы, касающиеся нормального питания, то я постараюсь не выказать своего невежества, высказываясь относительно животного и растительного питания. Так как я не химик и не врач, я не стану упоминать об азоте и белках, но просто ограничусь тем, что расскажу о своих личных впечатлениях, которые, во всяком случае, совпадают с впечатлениями многих вегетарианцев.

Я не выйду из предела моего личного опыта и остановлюсь на нескольких наблюдениях, подсказанных мне мелкими случаями из повседневной жизни.

Прежде всего, я должён сказать, что искания истины не имели никакого отношения к тем ранним впечатлениям, сделавшим из меня вегетарианца, в то время когда я еще едва вышел из младенческого возраста. У меня осталось ясное воспоминание ужаса при виде крови. Кто-то из семьи послал меня к деревенскому мяснику, поручив мне принести домой какую-то кровавую часть мяса. В полном неведении я весело отправился исполнить данное мне поручение и, ничего не подозревая, вошел во двор бойни. Я до сих пор не могу забыть этого мрачного двора, по которому расхаживали какие-то страшные, вооруженные огромными ножами люди, вытиравшее их о забрызганные кровью Фартуки. Тут же висела огромная мясная туша, занимавшая, как мне показалось, необыкновенно много места; с беловатой поверхности ее стекала по желобу красноватая жидкость. Я дрожал, безмолвно стоя посреди этого окровавленного двора, не будучи в состоянии ни двинуться вперед, ни убежать. Я не знаю, что было со мной потом; это изгладилось из моей памяти. Говорили, что я будто бы упал в обморок, и что добродушный мясник отнес меня к себе в дом; я тогда был не тяжелее любого из тех ягнят, которых ему ежедневно приходилось резать.

Потом другие картины поочередно бросали тень на мои детские годы и, подобно этому эпизоду на бойне, составляли целые эпохи в моей жизни. Я как сейчас вижу свинью, принадлежащую каким-то крестьянам, мясникам из любви к искусству, и от того тем более жестоким. Я помню, как один из них понемногу пускал кровь из животного, так что она стекала из него по каплям. Оказывается, что для того, чтобы изготавливать действительно хорошее черные пудинги, необходимо, чтобы жертва умирала медленной смертью. В продолжение всей этой операции свинья не переставала визжать, изредка издавая стоны и знаки отчаяния, почти напоминающие человеческие страдания; казалось, что слушаешь плач ребенка. И действительно, домашняя свинья в течение года или более занимает положение любимого ребенка в семье; ее кормят и балуют, чтобы она жирела, а она платит искренней привязанностью за хороший уход, единственная цель которого — известное

количество вершков сала. Но если добрая женщина, ухаживающая за свиньей, отвечает ей той же привязанностью, ласкает и называет ее нужными именами, над ней смеются, так как любить преданное нам животное считается нелепым и даже унижительным.

Одним из самых сильных впечатлений из времен моего детства была одна из тех деревенских драм, которой я был свидетелем, а именно насильственное убийство свиньи несколькими крестьянами, восставшими против одной доброй старушки, не соглашавшейся на заклятие своего толстого друга.

Деревенская толпа ворвалась в свиной хлев и вытащила животное на место казни, где его уже ожидали все приготовленные для этого орудия, между тем как бедная женщина беспомощно опустилась на стул, проливая горькие слезы. Я стоял возле нее, не зная как быть — сочувствовать ли ее горю или вместе с толпой считать убийство свиньи справедливым и законным действием, определенным здравым смыслом и самой судьбою. Каждый из нас, особенно тот, кому приходилось жить в каком-нибудь провинциальном местечке, вдали от больших городов, где все тщательно скрывается и маскируется, каждый из нас часто видал подобные варварские поступки, совершаемые потребителями мяса против тех животных, которыми они питаются. Нет нужды отправляться в какой-нибудь «Свинополис» Северной Америки, или в какое-нибудь местечко Лаплаты, чтобы наблюдать все ужасы избиений животных, которые составляют необходимое условие нашей ежедневной пищи. Но эти впечатления постепенно сглаживаются, бледнеют; они уничтожаются пагубным влиянием нашего воспитания, которое стремится привести человека к посредственности и убить в нем все, что могло бы сделать из него оригинальную личность. Родители, учителя, знакомые врачи (не говоря уже о том могущественном лице, которое мы называем «все»), общими силами работают над тем, чтобы сделать ребенка совершенно нечувствительным по отношению к «четвероногим кормильцам», которые, тем не менее, любят, чувствуют одинаково с нами и, находясь под нашим влиянием, прогрессируют или регрессируют вместе с нами.

Одним из самых печальных последствий употребления мяса является тот факт, что животных, предназначенных для удовлетворения человеческого аппетита, систематически уродуют, обезображивают и унижают их умственное и нравственное достоинство. Даже самое имя животного, как, например, свинья, употребляется как одно из самых грубых ругательств. Эта бесформенная масса жира и мяса, барахтающаяся в грязи, настолько отталкивающая и противна, для глаза, что мы стараемся избегать сходства между именем этого животного и названием тех блюд, которые мы из него готовим. Какая огромная разница между внешностью и привычками дикого барана, скачущего по склонам горных стран, и видом домашней овцы, потерявшей всякую личную инициативу и дошедшей до состояния какого-то приниженного куска мяса, настолько трусливой, что она не решается ни на минуту отстать от стада и настолько бестолковой, что сама от страха бросается в пасть преследующей ее собаки! Подобное же унижение постигло в наше время с трудомдвигающегося по пастбищам и вола, которого скотоводы превратили в громадную,двигающуюся массу, как будто заранее предназначенную для ножа мясника. И к выработке подобных уродств мы применяем слово «воспитание!»

Вот как человек исполняет свою обязанность воспитателя относительно своей низшей братии животных.

Совершенно так же мы обращаемся и со всей природой. Пустите орду инженеров в какую-нибудь красивую долину, лежащую среди полей и лесов или на берегу чудной реки, и посмотрите, что они тут наделают. Они сделают все возможное, чтобы выставить на показ свою собственную работу и скрыть природу под горами камней и угля.

По крайней мере, каждый из них с гордостью указал бы на свой паровик, бороздящий небо целую сеть грязно-желтых или черных облаков дыма. Иногда эти инженеры имеют даже смелость исправлять природу. Так, когда бельгийские художники недавно выразили свой протест министру путей сообщения по поводу изуродования им самых живописных местностей по Мезе посредством взрывов самых красивых скал по ее берегам, министр поспешил уверить их, что впредь им не на что будет жаловаться, так как он обязуется украсить все новые мастерские готическими башенками!

Совершенно в том же духе мясники выставляют на показ публике даже на самых людных улицах рассеченные туши и кровавые куски мяса и воображают, что примиряют наше эстетическое чувство с этим безобразием, разукрашивая вывешиваемое ими мясо гирляндами роз!

Читая газеты, невольно думаешь, что все ужасы, происходящее на китайской войне, не более как дурной сон, а никак не печальная действительность. Может ли быть, чтобы люди, испытавшие радости материнских ласк и учившие в школе такие слова, как «справедливость и милосердие», может ли быть, чтобы эти дикие звери с человеческим лицом могли находить наслаждение в том, чтобы связывать китайцев за платье и за косы по несколько человек вместе и потом бросать их в реку? Как они могут убивать раненых и заставлять пленных самих рыть себе могилы, прежде чем их расстреливать? Кто же эти ужасные убийцы? Все это такие же, как и мы, люди, точно так же, как и мы, читающие и занимающиеся наукой; у них есть братья, друзья, жены, возлюбленные! Может случиться, что, рано или поздно, мы с ними встретимся, пожмем их руки, на которых не заметим и следа крови. Но посмотрим, не существует ли прямой связи причины и следствия между пищей этих палачей, называющих себя «проводниками цивилизации», и их зверскими поступками. Они обыкновенно восхваляют кровавое мясо, как источник здоровья, силы и ума. Они без отвращения переступают порог бойни, где полы красны и скользки, где воздух пропитан противным приторным запахом крови. Но так ли велика разница между трупами быка и человека? Те же отделенные от туловища члены, те же смешанные в кучу внутренности, все это одно и то же! Зарезание быка облегчает путь к убийству человека, особенно когда раздастся приказ вождя или издали слышится голос верховной власти: «Будьте безжалостны!»

Одна французская пословица говорит, что можно защищать всякое темное дело. В этих словах была некоторая доля правды, покуда войска различных наций совершали свои зверства порознь, каждое отдельно: тогда все приписываемые им жестокости можно было потом принять за клевету, происходящую без зависти и национальной вражды других народов. Но в Китае, в настоящее время русские, французы, англичане и немцы даже не

пытаются скрыть свое поведение. Свидетели и даже сами участники этих дел уведомляют нас о них на своих языках, одни с большим цинизмом, другие с некоторою сдержанностью. Правды уже не отрицают, но стараются создать новую нравственность для ее объяснения. Эта нравственность говорить, что существуют два закона для человечества: один применяется к желтым расам, а другой составляет преимущество белых. Убивать или мучить первых, согласно этой морали, является позволительным, но относиться так к последним было бы дурно. Но разве наши нравственные правила, применяемые к животным, не одинаково растяжимы? Травля лисицы собаками приучает джентльмена отдавать приказания своим подчиненным преследовать убегающих китайцев. Оба рода охоты принадлежат к одному и тому же "спорту"; только в том случае, когда добычей является человек, получаемое от этого "спорта" волнение и удовольствие, вероятно, бывает острее. Нужно ли спрашивать по этому поводу мнение того, кто недавно призывал имя Аттилы; указывая на это чудовище, как на образец для своих созданий? Упомянуть об ужасах войны в связи с избиением скота и лукулловскими пирами не значит уклоняться от предмета речи. Питание людей тесно связано с их наклонностями. Кровь требует крови. В этом отношении всякий, кто захочет воскресить в своей памяти образы знакомых ему людей, без труда заметит огромную разницу, существующую между вегетарианцами и грубыми потребителями мяса, с жадностью пьющими кровь, — в отношении вежливости в обхождении, кротости характера и правильной жизни.

Правда, что эти качества совсем не ценятся так называемыми «умными людьми», которые, хотя сами несколько не лучше остальных смертных, всегда очень заносчивы и думают, что унижение слабости и превозношение силы придает их личности еще более значения. По их мнению, кротость есть синоним слабости; болезненные люди служат только, помехой, и устранение их есть благодеяние. Если их не убивают, то им по крайней мере не надо мешать умирать. Однако, именно эти слабые люди борются с болезнью лучше сильных. Полнокровные люди цветущего вида не всегда самые долговечные: настоящая сила вовсе не всегда выражается во внешнем виде, в румянном цвете лица, натянутых мускулах и полноте тела. Статистика могла бы дать нам точные сведения по этому поводу, но этому мешают многие заинтересованные в этом деле лица, выставляющие целые легионы не то правдивых, не то ложных цифр в защиту своих теорий.

Как бы то ни было, мы просто утверждаем, что для большинства вегетарианцев вовсе не важно, крепче ли их бицепсы и трицепсы, нежели мускулы потребителей мяса, и не в том дело, больше ли способен их организм бороться с различными опасностями в жизни или даже с самой смертью, что еще более важно; для них вся суть дела состоит в признании тех уз привязанности и доброжелательства, которые связывают человека с так называемыми низшими животными, и в распространении на эту младшую братью чувства, положившего конец людоедству между людьми.

Доводы, которые могли бы привести антропофага в защиту людоедства, были бы также основательны, как и доводы обыкновенных потребителей мяса в наше время. Мы, вегетарианцы, выставляем теперь совершенно те же возражения против мясоедения, которые некогда, приводились против чудовищного обычая людоедства. Мы предпочитаем смотреть на лошадь и на корову, на кролика и на кошку, на оленя и на зайца, на фазана и жаворонка как на наших друзей, а не только как на дичь.

«Но, — могут нам сказать, — если даже вы и будете воздерживаться от мясной пищи, другие хищники, все равно люди или животные, будут питаться ею вместо вас, или голод и силы природы соединятся, чтобы истребить многих животных». Без сомнения, равновесие видов будет поддерживаться, как и раньше, сообразно с разными жизненными случайностями и взаимной борьбой appetitов, но, по крайней мере, в этом поединке различных пород роль истребителя не будет принадлежать нам. Мы постараемся сделать принадлежащей нам уголок земли по возможности приятным не только для нас, но и для наших домашних животных. Мы серьезно возьмем на себя обязанность воспитателя, принятую человеком еще в доисторические времена. Наша доля ответственности в изменении существующего порядка не простирается далее нас самих и нашего ближайшего соседства. Если мы и мало сделаем, по крайней мере, это малое будет плодом наших усилий. Разумеется, если бы мы держались химеричной идеи провести нашу теорию в жизни до ее логических и непосредственных последствий, не принимая во внимание различных жизненных условий, мы бы дошли до полного абсурда. В этом отношении принцип вегетарианства ничем не отличается от всякого другого принципа; он должен быть приспособлен к обыкновенным условиям жизни. Очевидно, мы не имеем намерения подчинять все наши действия и поступки ежечасно и ежеминутно принципу уважения к жизни бесконечно малых существ: мы не будем, подобно буддистам, морить себя голодом и жаждой, если увидим под микроскопом каплю воды, кишущую микроорганизмами. Мы, не задумываясь, срежем себе палку в лесу или сорвем цветок в лесу; мы даже позволим себе сорвать спаржу или кочан салата и капусты на обед, хотя мы вполне признаем жизнь в растении, так же как и в животном. Не нам стеснять себя сектантскими догматами; наша задача состоит в том, чтобы обставить наше существование, по возможности, красиво и сохранить в нем, насколько это в нашей власти, гармонию окружающего нас мира.

Подобно тем нашим предкам, которым, наконец, опротивело поедать своих ближних, и которые в один прекрасный день перестали подавать их к столу; так же и в наше время между потребителями мяса есть много таких, которые отказываются питаться мясом благородного товарища человека — лошади или наших домашних любимцев кошки и собаки, — «так и нам неприятно пить кровь и жевать мышцы вола, помогающего нам выращивать нашу рожь. Мы больше не хотим слышать бляние овец, мычание быков и пронзительный визг свиней, когда их ведут на заклание. Мы стремимся к тому, чтобы нам не приходилось ускорять шаги, чтобы поскорее миновать отвратительные места боен, с их ручьями крови и рядами острых крючьев, на которых, обогранные кровью и вооруженные страшными ножами, люди развешивают туши различных животных.

Мы желаем поскорее жить в таком городе, где бы рядом с нашими домами, красивыми магазинами, или по соседству с аптекой не попадались мясные лавки, наполненные трупами, чтобы рядом с выставкой роскошных плодов или прекрасных книг, гравюр, статуэток и других произведений искусства не помещались кровавые мясные туши. Мы хотим, чтобы все окружающее нас было приятно для глаз и полно гармонии и красоты.

А так как физиологи и еще более наш личный опыт говорит нам, что эти уродливые части мяса не представляют рода питания, необходимого для поддержания нашей жизни, мы отказываемся от всех этих отвратительных блюд, которыми лакомились наши предки и которыми еще до сих пор наслаждаются многие из наших современников. Мы надеемся, что

скоро настанет день, когда потребители мяса сделаются, по крайней мере, настолько воспитанными, что начнут скрывать свою пищу. Бойни уже устроены в отдаленных предместьях, пусть поместят туда же и мясные лавки, где, подобно хлевам, их скроют в темные углы.

По причине такого же уродства нам отвратительна вивисекция и всякие опасные опыты, исключая тех, которые человек науки производит над своей собственной личностью. Нам противно безобразие самого поступка, когда мы видим, что естествоиспытатель прикалывает живых бабочек в свой ящик или разоряет муравейник для того, чтобы узнать число муравьев.

Мы с отвращением отходим от инженера, отнимающего у природы ее красоту, и от калифорнийского лесопромышленника, срубавшего дерево в 300 фут вышины, дожившего до четырех тысяч лет, только для того, чтобы показывать его кольца на ярмарках и выставках. Уродство в людях, в поступках, в окружающей нас природе — это наш злейший враг. Пусть мы сами и вся наша жизнь будет красива!

Какая же пища наиболее соответствует нашему идеалу красоты, как по своей природе, так и по способу ее приготовления? Это именно та пища, которую всегда предпочитали люди простого образа жизни, та, которая лучше всего обходится без всяких обманчивых ухищрений кулинарного искусства. Это — яйца, зерна, плоды, — то есть, те продукты животной и растительной жизни, которые представляют в своих организмах временное прекращение жизненной силы и, вместе с тем, соединение всех элементов, нужных для образования новых жизней. Яйцо животного, семя растения, плоды дерева представляют конечный результат организма, которого уже больше нет, и начало нового, еще не существующего организма. Человек добывает их себе в пищу, не убивая существа, их производящего, так как они образуются в точки соприкосновения двух поколений. Разве наши ученые, изучающие органическую химию, не говорят нам также, что яйцо животного или растения есть лучший склад всех жизненных элементов! *Omne vivo ex ovo!*

Богатство и Ниццета

1921, источник: [здесь](#)

I. Земельная собственность

В очерках, посвященных нами земледельческому и фабрично-заводскому производству 9, мы на основании неопровержимых цифровых данных установили, что пищевых продуктов имеется вдвое, а фабричных втрое больше того, сколько их нужно для удовлетворения всех потребностей современного человека. Человечество имеет, таким образом, для своего пропитания и содержания действительно громадный избыток, и если миллионы людей живут в нищете, то это зависит от чудовищной организации современного общества. Эта истина в общем не требует пояснений, на столько она очевидна. Тем не менее, не безынтересно показать на точных фактах, до каких позорных результатов Доходит общественный строй, основанный на частной собственности.

Избитая истина, что всюду, во всех государствах, богатство и власть принадлежат в настоящее время аристократии собственников. Во Франции, где до сих пор воспоминания о 1789 г. действуют опьяняюще, мы охотно воображаем себе, будто Революция смела неравенства старого общества, и если не установила полного равенства, то, по меньшей мере, сравняла положение людей и богатства. К несчастью, факты далеко не соответствуют этой легенде, которую правящие классы всячески стараются закрепить внутри: *Les produits de la Terre et les produits de L'Industrie*, умах, чтобы тем самым расшатать силу и значение пролетарских требований. Мы восхищаемся великим революционным движением, давшим нам свободу мысли и, до известной степени, свободу слова, но мы также должны признать, что в социальном отношении Революция завершилась выкидышем: феодальная собственность, которую она хотела разрушить, лишь преобразовалась. Этот феодальный строй стоит перед нами могущественнее прежнего, ужаснее, чем когда-либо.

И прежде всего необходимо заметить, что земля, которую мы представляем себе чрезвычайно раздробленной, в действительности почти повсюду прибрана к рукам относительно небольшим количеством лиц, настоящими земельными баронами. В нашей так называемой цивилизованной Европе почти везде преобладает крупное землевладение. Есть страны, в которых имения важных господ и крупных буржуа представляют по размерам целые государства, на которых бы могли жить сотни тысяч людей. В Англии, в этой классической стране латифундий или крупного землевладений, две трети всей страны принадлежат только 10,000 лиц; из них одни лорды Соединенного Королевства владеют слишком 6,240,000 гектаров J). В Шотландии 21 человек поделили между собой около трети национальной территории, и 1700 человек владеют девятью десятыми ее. В Ирландии вся земля тоже захвачена лендлордами. Чтоб убедиться во всех этих фактах, стоит только пробежать официальную статистику землевладения в Великобритании. Это, правда,

достаточно отталкивающее чтение, но зато поучительное: сразу глубоко проникаешь в социальное положение Соединенного Королевства, когда узнаешь, что многие благородные лорды, как напр., герцог Девонширский, владеют имениями в 70,000 и до 78,000 гектаров и что один шотландский лорд, герцог Сутерландский, является собственником огромного пространства в 530,000 гектаров.

Не следует, впрочем, думать, что Англия является исключением в Европе. В большинстве других европейских стран крупное землевладение процветает, правда, в несколько гектар немного меньше казенной десятины меньших, но все же в чудовищных размерах. Например, в Германии, в этой стране, так гордящейся своей высокой цивилизацией, есть целые области, где земля — вся в руках небольшой кучки баронов, представляющих своими особами старинные обломки средние веков. У некоторых из них есть поместья пространством от 2000 до 3000 квадратных верст. В Пруссии половина земли принадлежит тоже помещикам, имеющим не менее 75, а в среднем 344 гектара каждый.

Если от Германии мы обратимся к Австро-Венгрии, то найдем здесь еще худшее распределение земельной собственности, Моравия, Богемия, Венгрия, Галиция представляют собой страны крупной земельной собственности. Так, в Венгрии две трети всей земли принадлежат нескольким тысячам господ, владения которых заключают в себе от 1000 — 10,000 гектаров. Есть здесь несколько имений, которых их собственники ни разу не осмотрели в целом, так они громадны. То же самое в Богемии; тут князь Шварценберг один владеет более чем тридцатой частью всей страны, а именно 178,000 гектаров. В Румынии, в России, где уничтожение крепостного права должно было бы совершить коренной переворот, все те же бояре удерживают в своих руках наибольшую часть земель. Вернемся на Запад, пойдем в Италию, в Испанию, во Францию, в Бельгию, в эти государства, наиболее непосредственно испытавшие влияние Революции, — и везде мы, лишь в различной степени, найдем все то же положение. Познакомимся ближе в этом отношении с Италией. Согласно Итальянскому статистическому Ежегоднику за 1884 г. здесь имелось 2,668,696 земельных собственников. Но сюда присчитано очень значительное число таких, которые владеют ничтожными клочками земли, не могущими прокормить их владельцев; на деле и тут преобладает крупная собственность. В особенности это верно для южной Италии. Чтоб ограничиться одним примером, укажем на Базиликату, на эту область древнего Геркуланума. Здесь, в Поликоро, мы встречаем поместье в 14,000 гектаров. Владелец его, князь де Жерас, оказывается хозяином семьдесят третьей доли ороvincia Потенцы, насчитывающей 525,000 жителей.

В Испании, главным образом в обеих Кастилиях и в Андалузии, собственники сотен и тысяч гектаров тоже захватили значительную) долю земель.

Франция — единственная великая страна, где мелкое землевладение существует в довольно значительной степени, но и здесь мелкая собственность далеко не имеет того значения, какое ей приписывают поклонники нашего социального строя. Действительно, буржуазные экономисты торжественно повторяют, что у нас 20 миллионов земельных собственников. На первый взгляд их благочестивый энтузиазм может показаться, пожалуй, основательным, но, при ближайшем ознакомлении с вопросом, неизбежно приходится сильно поубавить основательность такого ликования. Нельзя же, в самом деле, забывать,

что из этих так называемых собственников около 4 миллионов избавлены от личного обложения по причине их крайней бедности; тут по-просту 4 миллиона полунищих, а не собственников. К тому же число собственников, само по себе, ничего не означает; важно, как распределена между ними собственность. Легко выяснить это распределение; воспользуемся для этого официальными документами по поземельной собственности, опубликованными на основании переписи 1884 г.

Вот каково было в указанный момент распределение французских земель среди плательщиков земельного налога.

КАТЕГОРИЯ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ.	Число плательщиков земельного налога (по числу обложенных участков)		Площадь обложенная земельной податью.	
	Абсолютное.	% отношение ко всему ВОЛИН.	В гектарах.	% отношение ко всей площади.
Самая мелкая собственность (от 0 до 5 гектаров).	12,230,496	87,8	11,222,303	22,7
Мелкая собственность (от 5 до 10 гектаров).	892,887	6,2	6,254,14	12,6
Средняя собственность (от 10 до 50 гектаров).	738,672	5,2	14,496,260	29,3
Крупная собственность (от 50 до 100 гектаров).	73,503	0,5	5,059,817	29,3
Очень крупн. собственность (больше 100 гектаров).	49,243	0,3	12,355,782	25,2
СУММА	14,074,801	100,0	49,388,304	100,0

Из этой таблицы явствует:

1-е, что самая мелкая собственность (от 0 до 5 гект.) насчитывает 12 миллионов плательщиков из общей суммы 14 миллионов. Другими словами — на 88% всех плательщиков приходится лишь 22% обложенной податью земельной площади.

2-е, что мелкая собственность (от 5 до 10 гектар.) насчитывает 6 милл. гектаров на 892,887 плательщиков или 12% всей территории.

3-е, что средняя собственность (от 10 до 50 гектаров) охватывает 738,000 плательщиков и 14 милл. гектаров или 29% общего земельного фонда страны.

4-е, что крупная собственность (от 50 до 100 гектаров и больше) захватила более 17 милл. гектаров (35% территории),⁴ тогда как число собственников этой категории едва достигает 120,000, т.-е. меньше даже 1%.

Три вида земельной собственности — мелкая, средняя и крупная — поделили между собой почти весь национальный фонд, но, как справедливо заметила одна французская газета, „La Terre“, „тогда как мелкая собственность разделена между миллионами людей, средняя насчитывает едва Сотню тысяч собственников, а крупная — лишь несколько тысяч“.

Сказанного достаточно для доказательства того, что — при прочих равных условиях — распределение земли во Франции такое же скверное, как в великих державах, находящихся еще в стадии феодализма. Но есть и другие факты, подтверждающие нашу мысль, так как приведенные нами статистические данные требуют пояснения.

Прежде всего необходимо заметить, что дробление земли между собственниками много меньше, чем это может показаться при взгляде на общее число участков. Во Франции нет этих 14 миллионов землевладельцев — плательщиков налога. Значительное число лиц имеют по два или несколько отдельно обложенных участков и, следовательно, сумма всех участков не выражает количества их собственников, которых несравненно менее 14 миллионов.

Во-вторых, мы должны также обратить внимание на то, что в вышеприведенной таблице, по скольку она касается мелкого землевладения, скрыта крупнейшая ошибка в методе исчисления; этою ошибкой даже совершенно обесценивается указываемая цифра 13,213,383 мелких собственников. У кретинизированных чиновников, делавших эти статистические вычисления, очевидно не хватило достаточно смысла для правильной оценки того, что именно следует понимать под мелкою собственностью. Вместо того, чтобы к категории владений (от 0 до 10 гект.) отнести только мелкие земельные владения и участки, они смешали в одну кучу: собственно полевые участки и мелкие участки, исключительно находящиеся под усадьбами, под коммерческими и промышленными предприятиями, так что клочек земли ценою в 50 франков (около 18 руб.) и дом или завод стоимостью от 50,000 до 500,000 франков и выше в этой удивительной таблице помещены в один разряд под рубрикой „землевладения от 0 до 10 гектаров“, Это одна из обыкновенных красот официальной статистики. Доверьте библиотеку бюрократам в роде авторов подобных таблиц и поручите им сделать в ней логичное и естественное распределение книг, столь облегчающее пользование ими. Будьте уверены, — книги будут размещены на полках по цвету переплета или по величине формата.

Это неумное классифицирование земельной собственности исключительно по величине поместий не есть еще единственный изъян официальной статистики, нуждающийся в поправке. Исследование 1884 г. относительно земельной собственности сделано по коммунам без общего надзора и контроля. Отсюда получилось, что каждый раз, когда владение переходило черту коммуны, оно оказывалось занесенным в таблицу, как два или три отдельных поместья, хотя бы в действительности тут было одно только поместье. Отсюда ясно, что количество крупных собственников произвольно увеличено нашей статистикой. В действительности 36% всей земли принадлежит значительно меньшему

количеству лиц, чем 122 тысячам, показанным в таблице.

Из всего вышеизложенного мы можем заключить следующее:

1-е. Количество мелких собственников ниже того, какое дают нам официальные документы, и мелкие соб.твенники не владеют 34% французской территории.

2-е. Крупная земельная собственность, внесенная в „статистику" с 35% всей площади землевладения, владеет в действительности значительно большим количеством, потому что собственники домов, заводов и различных других сооружений, причисленные к первой (низшей) категории во внимание к размерам поместья, на самом Деле должны быть отнесены в группу крупных землевладельцев по их доходности.

3-е. После указанных поправок следует во всяком случае признать, что крупному землевладению принадлежит больше трети национальной территории.

К этому последнему заключена» мы приходим, изучая в целом земельный вопрос во Франции. Мы бы получили те же еще более убедительные результаты, если бы стали изучать каждую французскую область отдельно. Но, к сожалению, это завлекло бы нас слишком далеко к сторону, и потому мы должны воздержаться от всяких не необходимых подробностей, Впрочем, вот еще несколько цифр, которых будет достаточно для подкрепления всего сейчас нами высказанного департаменте Од крупное землевладение захватило в свои руки 50% всей земли. 1833 лица владеют 294,656 гектаров.

В департаменте Аллье крупное землевладение охватывает 57% всей территории, и 1300 лиц, собственников, владеют более, чем 300,000 гектарами.

Мы могли бы привести еще много подобных примеров.

Таким образом на западе, на востоке, на севере и на юге Европы, в королевствах, в княжествах, в республиках и в империях — всюду хищное чудовище крупной собственности раскинуло свои сети. Особенно печально то, что в странах, где никогда не существовало аристократии, в которых общество организовано на современных бессловных началах, напр. в Америке и Австралии, крупное землевладение совершенно так же всеильно, как и в старых европейских обществах. В Соединенных Штатах это зло существует давно, а за последнее время оно приняло там размеры еще более ужасающие, чем в Европе. Именно, за последние годы известное число европейских собственников и банкиров, в большинстве англичане, купили значительную часть еще не занятых земель Союза и таким образом составили здесь огромные поместья. С 1880 г. по 1890 г. 29 иностранных капиталистов завладели 8,2 милл. гект. пахотной американской земли, т.-е. территорией больше целей Ирландии.

И такой земельный захват — как в Европе, так и в Америке — тем боле чудовищен, что большинство этих крупных собственников не живет на своих землях, не дает себе даже труда управлять своими поместьями, над обработкой которых убиваются миллионы пролетариев, получая заработную плату, ничтожную до смешного.

II. Городская собственность

Из этой таблицы явствует:

1-е, что самая мелкая собственность (от 0 до 5 гект.) насчитывает 12 миллионов плательщиков из общей суммы 14 миллионов. Другими словами—на 88% всех плательщиков приходится лишь 22% обложенной податью земельной площади.

2-е, что мелкая собственность (от 5 до 10 гектар.) насчитывает 6 милл. гектаров на 892,887 плательщиков или 12% всей территории.

3-е, что средняя собственность (от 10 до 50 гектаров) охватывает 738,000 плательщиков и 14 милл. гектаров или 29% общего земельного фонда страны.

4-е, что крупная собственность (от 50 до 100 гектаров и больше) захватила более 17 милл. гектаров (35% территории),¹⁴ тогда как число собственников этой категории едва достигает 120,000, т.-е. меньше даже 1%.

Три вида земельной собственности—мелкая, средняя и крупная—поделили между собой почти весь национальный фонд, но, как справедливо заметила одна французская газета, „la Terre“, „тогда как мелкая собственность разделена между миллионами людей, средняя насчитывает едва Сотню тысяч собственников, а крупная—лишь несколько тысяч“.

Сказанного достаточно для доказательства того, что— при прочих равных условиях—распределение земли во Франции такое же скверное, как в великих державах, находящихся еще в стадии феодализма. Но .есть и другие

факты, подтверждающие нашу мысль, так как приведенные нами статистические данные требуют пояснения.

Прежде всего необходимо заметить, что дробление земли между собственниками много меньше, чем это может показаться при взгляде на общее число участков. Во Франции нет этих 14 миллионов землевладельцев—плательщиков налога. Значительное число лиц имеют по два или несколько отдельно обложенных участков и, следовательно, сумма всех участков не выражает количества их собственников, которых несравненно менее 14 миллионов.

Во-вторых, мы должны также обратить внимание на то, что в вышеприведенной таблице, по скольку она касается мелкого землевладения, скрыта крупнейшая ошибка в методе исчисления; эту ошибкой даже совершенно обесценивается указываемая цифра 13,213,383

мелких собственников. У крестинизированных чиновников, делавших эти статистические вычисления, очевидно не хватило достаточно смысла для правильной оценки того, что именно следует понимать под мелкою собственностью. Вместо того, чтобы к категории владений (от 0 до 10 гект.) отнести только мелкие земельные владения и участки, они смешали в одну кучу: собственно полевые участки и мелкие участки, исключительно находящиеся под усадьбами, под коммерческими и промышленными предприятиями, так что клочек земли ценою в 50 франков (около 18 руб.) и дом или завод стоимостью от 50,000 до 500,000 франков и выше в этой удивительной таблице помещены в один разряд под рубрикой „землевладения от 0 до 10 гектаров", Это одна из обыкновенных красот официальной статистики. Доверьте библиотеку бюрократам в роде авторов подобных таблиц и поручите им сделать в ней логичное и естественное распределение книг, столь облегчающее пользование ими. Будьте уверены,—книги будут размещены на полках по цвету переплета или по величине формата.

Это неумное классифицирование земельной собственности исключительно по величине поместий не есть еще единственный из'ян официальной статистики, нуждающийся в поправке. Исследование 1884 г. относительно земельной собственности сделано по коммунам без общего надзора и контроля. Отсюда получилось, что каждый раз, когда владение переходило черту коммуны, оно оказывалось занесенным в таблицу, как два или три отдельных поместья, хотя бы в действительности тут было одно только поместье. Отсюда ясно, что количество крупных собственников произвольно увеличено нашей статистикой. В действительности 36% всей земли принадлежит значительно меньшему количеству лиц, чем 122 тысячам, показанным в таблице.

Из всего вышеизложенного мы можем заключить следующее:

1-е. Количество мелких собственников ниже того, какое дают нам официальные документы, и мелкие соб.твенники не владеют 34% французской территории.

2-е. Крупная земельная собственность, внесенная в „статистику" с 35% всей площади землевладения, владеет в действительности значительно большим количеством, потому что собственники домов, заводов и различных других сооружений, причисленные к первой (низшей) категории во внимание к размерам поместья, на самом Деле должны быть отнесены в группу крупных землевладельцев по их доходности.

3-е. После указанных поправок следует во всяком случае признать, что крупному землевладению принадлежит больше трети национальной территории.

К этому последнему заключена» мы приходим, изучая в целом земельный вопрос во Франции. Мы бы получили те же еще более убедительные результаты, если бы стали изучать каждую французскую область отдельно. Но, к сожалению, это завлекло бы нас слишком далеко к стороне, и потому мы должны воздержаться от всяких не необходимых подробностей, Впрочем, вот еще несколько цифр, которых будет достаточно для подкрепления всего сейчас нами высказанного

В департаменте Од крупное землевладение захватило в свои руки 50% всей земли. 1833 лица владеют 294,656 гектаров.

В департаменте Аллье крупное землевладение охватывает 57% всей территории, и 1300 лиц, собственников, владеют более, чем 300,000 гектарами.

Мы могли бы привести еще много подобных примеров.

Таким образом на западе, на востоке, на севере и на юге Европы, в королевствах, в княжествах, в республиках и в империях—всюду хищное чудовище крупной собственности раскинуло свои сети. Особенно печально то, что в странах, где никогда не существовало аристократии, в которых общество организовано на современных бессловных началах, напр. в Америке и Австралии, крупное землевладение совершенно так же всеильно, как и в старых европейских обществах. В Соединенных Штатах это зло существует давно, а за последнее время оно приняло там размеры еще более ужасающие, чем в Европе. Именно, за последние годы известное число европейских собственников и банкиров, в большинстве англичане, купили значительную часть еще не занятых земель Союза и таким образом составили здесь огромные поместья. С 1880 г. по 1890 г. 29 иностранных капиталистов завладели $8\frac{1}{2}$ милл. гект. пахотной американской земли, т.-е. территорией больше целей Ирландии.

И такой земельный захват—как в Европе, так и в Америке—тем боле чудовищен, что большинство этих крупных собственников не живет на своих землях, не дает себе даже труда управлять своими поместьями, над обработкой которых убиваются миллионы пролетариев, получая заработную плату, ничтожную до смешного.

герцог Мальборо	31,1.
маркиз Солисбери	71,2.
герцог Нортумберландский	872.
маркиз Герфордский	12г/а.
лорд Дюргам	12у2.
герцог Гамильтон	13.
герцог Бедфорский	15.
герцог Клевелендский	20.
лорд Дичби	25.
герцог Портландский	37'2.

Нет возможности дать полный список всех наиболее крупных наследств в Англии, но и по приведенным десяти лицам можно судить о целом.

Прибавьте к этому, что помимо такой крупной собственности, основанной на ужасающей нищете, есть много людей, которые, номинально не владея ничем, пользуются однако очень

значительными доходами. Сюда относятся представители англиканского духовенства, которое является собственником разных поместий и учреждений, в том числе нескольких сотен кабаков, наиболее посещаемых, где—к вящей славе церкви — рекою льется джин (водка).

Mulhall. Dictionary of Statistica скопы там получают в среднем до 130,000 франков (около 52,000 руб.) ежегодного содержания.

В Германии, в этой стране копей и фабрично-заводской промышленности, капитализм—при равенстве всех прочих условий—почти также значителен, как в Англии. Чтобы убедиться в этом, достаточно пробежать список лиц, подлежащих подоходному налогу: там фигурируют 3000 миллионеров для одной Пруссии, и в числе этих трех тысяч очень много таких, которые имеют десятки и даже сотни миллионов. Девять особ числятся в роли Einkommeneur'ов, как имеющие годовой доход, превышающий один миллион марок (марка равна приблизительно сорока копейкам); франкфуртские Ротшильды с годовой рентой в 2,640,000 марок принадлежат к этим избранникам. Знаменитый литейщик пушек Крупп из Эссена, гордость миролюбивой Германии, стоит в главе этого списка вампиров со своими 5,100,000 марок годового дохода. Принцы королевских и владетельных княжеских домов естественно оказываются между крупнейшими капиталистами страны, и это тем гнуснее, что многие из них состоят владельцами винокуренных заводов, наводняющих своей хлебной водкой Европу и Африку. Источником их огромных доходов большею частью служит отравление алкоголем тысяч людей.

В Австро-Венгрии в настоящее время совершенно такое же положение. Высшее венское еврейство держит в своих руках значительную часть богатств страны в виде акций рудников, железных дорог, государственных бумаг и разного рода недвижимой собственности.

И всюду в Европе мы встречаем одно и то же: во всех странах городская недвижимость, промышленность и торговля оказываются сосредоточенными в немногих руках, и—как ни печально в этом признаться—это сосредоточение все более и более возрастает. Оно резко заметно во Франции, где копи, железные дороги, огромные фабричные предприятия, самые значительные торговые фирмы составляют в сущности доход англиканской церкви в 1881 году равнялся 123'/, мнлаионов франков достояние нескольких крупнейших акционеров. И вряд ли кто решится говорить о мелкой собственности и об ее преобладании в промышленности и торговле. Этой мелкой собственности, можно сказать, уже не существует: ежедневно Мелкие хозяева мастерских и мелкие лавочники разоряются от конкуренции с крупными фирмами и переходят в ряды Пролетариата, увеличивая толпу безработных бедняков.—Все сказанное имеет место также и в свободной Америке, где крупная капиталистическая собственность еще могущественнее, чем крупная земельная собственность, где мы встречаем таких промышленных „королейкак Морган, Джей Гульд, Вайдербильт, Рокфеллер, которых состояние исчисляется уже не сотнями, а тысячами миллионов.

III. Положение крестьян

Господствующий в наше время социальный строй оказывается еще более чудовищным, если сравнить с положением правящих классов положение городского и сельского рабочего класса. Начнем с земледельческих рабочих.

По непосредственной полезности класс земледельцев занимает первое место: ему мы все обязаны хлебом насущным. Если бы доказано было* что общественное неравенство фатально неизбежно, то следовало бы признать, что именно земледельцы больше всего имеют прав на преимущества. Да, Простой здравый смысл заставляет признать, что те люди, которые стоят в непосредственном общении с природой, неустанным трудом которых поддерживается вся жизнь общества, и составляют самый жизнецно-благотворный класс: мы обязаны ему за все, что мы имеем здесь на земле. Но ято в свою очередь делаем мы в отплату за те блага, которые они нам доставляют? Эти труженики, без которых все в нашем буржуазном обществе, вся жизнь должна мгновенно остановиться, получают ли они свою законную долю счастья? Находятся люди, отвечающие на этот вопрос.

утвердительно: да, получают. Находятся и чувствительные поэты, воспевающие, подобно древнему Виргпилю, безграничное блаженство „слишком счастливых землепашцев®. Сомнительно однако, чтоб это „блаженство® могло когда-нибудь существовать в древнем рабовладельческом государстве; и уж, во всяком случае, не в нашем современном обществе частных собственников можно искать такого золотого века. В самом деле, условия жизни крестьян — самые жалкие, и, поживши среди них, нельзя не испытать глубокого сострадания к этим миллионам людей, присужденных к таким каторжным земледельческим работам. Жизнь крестьянства совсем не похожа на ту, какую ее себе воображают. Мы охотно рисуем себе крестьян, как класс собственников, обрабатывающих свою землю и живущих на жатву, собранную ценою умеренного и здорового труда. Но то, что мы видим в действительности, нисколько не похоже на картинки, рисуемые нашим воображением. Мелкая собственность в земледелии представляет нечто совсем исключительное; почти везде крестьяне работают не на себя, а на крупных помещиков, которые соперничают в деле их эксплуатации. Жители деревень в огромном большинстве случаев являются просто батраками, можно даже сказать — крепостными, потому что теоретическая свобода, которую они могут пользоваться, на столько в действительности ограничена социальным современным строем, что — в последнем счете — их участь едва ли лучше участи древних рабов. Вставая чуть свет, они летом и зимой, в зной, в дождь или снег идут работать на чужих полях. С наступлением ночи они возвращаются в свои логовища и валяются от усталости на солому своего убогого ложа. Отдыхом пользуются едва несколько часов; на рассвете. еще с одереженевшими от работы членами они должны впрягаться снова в трудовое ярмо. И так постоянно, в продолжение длинного ряда лет, до тех пор пока смерть не вернет их в эту землю, на которой они так долго страдали.

Таково общее положение крестьян в Европе. Но в некоторых странах и в отдельных земельных областях оно получило особенно ужасный характер, возмущающий всякого, даже наименее чуткого человека.

В Англии, в этой стране огромных богатств, есть крестьяне» живущие в таких же первобытных жилищах, как дикари, и жестоко страдающие от голода. В особенности сюда следует отнести жителей Шотландских островов. Вот как в IV томе Всеобщей Географии описывается Элизе Реклю быт крестьян этой области: „Шотландские острова, некоторые из Гебридских и даже самый обширный остров Леви принадлежат одному только собственнику, который фактически держит в своих руках все права жителей и косвенно располагает жизнью своих „подданных“, так как один он может доставить работу, и может заставить жителей выселиться с их родины, то есть с его владений. Вот почему некоторые острова, как, например, Рум и Барра, некогда очень населенные, стали почти пустынными. А между оставшимися жителями имеются еще настолько несчастные, что исландский мох — является для них лакомым блюдом, и добываемые из моря рыба и водоросли составляют всю их пищу. Кишечные заболевания и в особенности несварение желудка очень распространены здесь вследствие плохой пищи. Частотой подобных заболеваний, вызывающих различные галлюцинации, известные медики объясняют случаи „ясновидения“, о которых так часто упоминает история этих островитян. — Деревни на острове Леви представляют, быть может, нечто беспримерное в Европе. Лачуги имеют вид накиданных скал и ветвей. Туземные крофты собирают камни, рассеянные по торфяной почве, и складывают из них две концентрические, неуклюжие стены; пространство между ними в несколько футов наполняется землей и гравием, отчего такое сооружение является совершенно непроходимым для теплых солнечных лучей. Целый лес старых весел, перекрещивающихся досок и ветвей поддерживают крышу из толстого слоя земли и торфа, округленно выступающую над наружной стеной; на крыше скоро разрастается трава, и крыша становится любимым местом прогулок и игр для детей, собак и ягнят. Единственная дверь ведет в безобразнее жилище в котором постоянно горит огонь, поддерживаемый торфом. Жара и дым в жилище Крофта невыносимы для непривычного человека, но поддерживать огонь необходимо, чтоб несколько просушить сырость которая постоянно просачивается сквозь земельные стены и крыши. Лошади, коровы, овцы — все мелкорослые вследствие постоянной бескормицы — помещаются с краю в хижине, и дети таскают им кости, которые коровы любят глотать...

Таковы жилища большинства жителей Гебридских островов".

В Ирландии положение земледельцев такое же скверное. „И здесь также тысячами встречаются вырытые в земле убежища, полные едкого торфяного дыма, где по 10 — 12 человек живут вместе и спят на грязном полу в перемежку со свиньями". Недостаток питания и нездоровая обстановка продолжают непрерывно подтачивать преждевременно жизнь обитателей целых областей. Голодные крестьяне все больше разбегаются, забрасывая земли. Значительные пространства, еще недавно обрабатываемые, теперь забрасываются и пустуют. Крупная земельная собственность сеет смерть и расширяет пустыню вокруг себя. Пахотная площадь в Ирландии с 187-го по 1885 год уменьшилась на 200,000 десятин (216,000 гект.).

Печальное зрелище, поражающее наблюдателя на западе Европы, встречается его также на востоке. Отправьтесь в Венгрию, в Галицию, в Придунайские княжества, в Россию, и вы там встретите миллионы/человеческих существ* столь же несчастных, как шотландские крофтеры Или ирландские крестьяне. Вы можете непрерывно, по целым дням путешествовать в этой половине Европы, не встретив других жилищ, кроме убогих хижин-мазанок, крытых соломой или тростником. Есть там большие деревни, где вы не увидите ни одного деревянного жилья. И так живут миллионы батраков, живут как рабы, благодаря крупным землевладельцам и еврейским ростовщикам. Жизнь этих бедняков поистине ужасна: они довольствуются одной маисовой мукой и водкой низшего сорта и только этим поддерживают свои силы на непрерывной работе. Когда из богатых городов Австрии попадешь в равнину Венгрии, Галиции, Румынии, России. — то нет ничего печальнее зрелища несчастных крестьян, трудящихся на этих поразительно плодородных землях, которые прокармливают миллионы людей, а им не дают нужного куска хлеба. Во время жатвы, особенно когда солнце безжалостно заливает своими лучами выжженную землю, тяжело смотреть на длинные ряды рабочих, надрывающихся под команду алчных надсмотрщиков, которые следуют по их пятам, непрерывно налегают на измученных людей, сопровождая понукания скотской бранью, а иногда и ударами бича. Работа в крупной экономике получает тут полное сходство с военной экспедицией под командой беспощадных начальников, которые подгоняют свои отряды ударами шашки, В первый раз при виде этих рабочих я испытал на мгновение такую иллюзию: я подумал, что вижу перед собой каторжников, а мечущиеся между рабочими старосты представлялись мне надзирателями, следящими за осужденными и руководящими ими.

Особенно гнетущее зрелище — представляют работы у паровых молотилок. Здесь к физическому изнеможению прибавляется еще серьезная опасность быть изувеченным. Снопки хлеба, которые работники непрерывно подбрасывают в машину, порождают ужасную пыль, которая образует на пространстве 18 — 22 сажень кругом тучу, густую как смерчь в песчаной Сахаре. Работников совершенно застигает эта темная туча пыли, которую даже порядочный ветер не в силах разогнать. Между молотильщицами встречаются совсем молодые девушки; я видел даже детей. Все они остаются по целым дням в этой ужасной атмосфере; и такая работа повторяется ежегодно в продолжение 1 — 2 месяцев. Тщетно спрашиваешь себя, как люди не задохнутся в атмосфере растительной и минеральной пыли, наполняющей их легкие. Впрочем, большинство из них быстро наживает чахотку. Это обстоятельство вынуждает по прошествии нескольких лет замещать новыми молотильщиками прежних, ставших негодными.

Из всех восточных стран положение крестьянства в России, быть может, самое злосчастное, по крайней мере в некоторых частях Росстгп, где суровость климата усиливает страдания, порождаемые общественным строем. Не таково мнение богословов официальной экономической науки, постоянно твердящих о блестящих результатах указа 19 февраля 1861 года. По их словам, после крестьянской реформы имеются только свободные крестьяне, обрабатывающие собственные наделы и счастливо живущие трудами рук своих. Но любезные комики, рассказывающие нам подобные сказки, забывают добавить, что эти так называемые крестьяне-собственники так обременены всевозможными налогами, что для собственного пропитания им остается очень мало или почти ничего; по крайней мере — значительная часть крестьян никогда не могла уплатить сполна выкупных платежей,

причитающихся по положению 1861 г.; другие после воли вынуждены были продать свои наделы; даже в великорусских общинных селениях некоторые крестьяне должны были уступить свои наделы общественной земли. Те и другие, разоренные помещиками и кулаками, впали в кабалу к ним; и в настоящее время сельский пролетариат в России исчисляется миллионами, а земледельческий класс в целом находится в самом жалком положении.

На Юге Европы констатируются точно такие же душу раздирающие факты. В Италии нищета крестьян, быть может, превосходит нищету рабочих восточных стран. Особенно печален тот факт, что как раз в самых плодородных провинциях этой чудной страны встречается наибольшее количество несчастных бедняков. На лихорадочных и разоренных равнинах Тосканы и Лациума, где жестокая, неумолимая малярия производит свои опустошения, условия жизни землепашцев уже достаточно тяжелы, но они еще хуже в Ломбардии и в других здоровых областях. Здесь не вредный климат, а голод губит народ, от ужасной болезни, называемой миланской проказой — пеллагрой и вызываемой единственно плохой пищей, тысячи крестьян ежегодно умирают или доходят почти до состояния мертвецов. Количество больных миланской проказой очень значительно в северной Италии. По официальным сведениям их насчитывалось в 1879 г. 97,885 человек в Ломбардии, Венеции и Эмилии.

Цифра, сама по себе, огромная, но она несомненно много ниже действительности, если принять во внимание, что крестьяне богатых ломбардских равнин спят в тесных, дурно проветриваемых хижинах, питаются только отвратительной кукурузной кашей, называемой полента, и работают на своего хозяина от 12 — 16 часов в сутки. С деревенским пролетариатом так дурно обходятся во всей северной Италии, что невольно напрашивается вопрос, не лучше ли ему сразу умереть от малярии, чем медленно умирать под ярмом помещика. Богач в этих местах — * горший бич народа, чем зараженный воздух тамошних болот.

Южная Италия для крестьян является таким же ужасным местом. Прежде всего вообще нелегкий труд земледельца становится особенно невыносимым в стране, где летом тропическая жара и болотные заболевания делают его на открытом воздухе прямо гибельным. Вот что говорит об этом писатель Ф. Ленорман, обстоятельно знакомящий с южной Италией в своей интересной книге „Великая Греция“.

“ „В невыносимый зной жатва представляет настоящую военную кампанию, столь же смертоносную, как и под огнем неприятеля. Земледелец является здесь солдатом, выступающим в правильный бой с враждебными силами природы. Не проходит дня без того, чтобы кто-нибудь из рабочих не падал, чтобы больше уже не подняться, на том самом поле, на котором он жил, пока его не сразил солнечный удар или не схватила болотная лихорадка. Я предоставляю читателям решать, каково опустошительное действие малярии по вечерам, когда батраки, плохо питаемые, мокрые от пота,

находят для ночлега лишь плохие, дырявые сараи или даже, просто шалаши из листвы, куда свободно проникают влажные болотные испарения и ночной холод".

Особенно печально положение сельского пролетариата в силу его общественного положения в стране, где крепостное право, по закону уничтоженное, фактически продолжает существовать. В самом деле, вся земля почти сплошь захвачена родовитым дворянством, не живущим в своих владениях. Имена поручаются жадным кулакам-управляющим, которые мучают и эксплуатируют крестьян без всякой злости. Приведем здесь несколько жестоко красноречивых страниц из только что цитированной нами книги.

“ „Что касается крестьян южной Италии, то чаще всего это батраки, погруженные в самую жестокую нищету, перебивающиеся изо дня в день, без всякой надежды улучшить свое положение путем сбережений из своего ничтожного заработка. Или фактически прикованный к своему ярму, или привыкший к кочевой жизни, имеющей на него развращающее влияние, крестьянин здесь едва владеет орудиями труда, но никогда не является собственником убогого и нездорового жилища, занимаемого им в зараженных предместьях городов, где продолжительное отсутствие безопасности в стране заставило их скучиться. Ведь в южно-итальянских провинциях нет деревень, как у нас, нет сопряженных с деревнями благоприятных для крестьянина сторон деревенской жизни, когда он имеет отдельный домик с огородом. Земледельцы большей части прежнего Неаполитанского королевства живут, как на востоке, целыми городами в несколько тысяч жителей: такая скученность обеспечивала до некоторой степени безопасность от набегов разбойников и пиратов. Для большей безопасности эти города часто расположены в трудно доступных местах и обыкновенно на расстоянии целого дня пути один от другого. Кроме нескольких купеческих домов городок составляет полную собственность крупного землевладельца, обыкновенно того самого, у которого жители обрабатывают землю. В силу этого они остаются его арендаторами без формального договора, ничем не обеспеченные; так что простая прихоть землевладельца или его управляющего может в любое время без суда и расправы в 24 часа лишит его крона и работы. Такое положение является обычным в большей части Италии”.

„За то же и крестьянин этих областей представляет собою того „дикого зверя“, о котором говорит Лабрюйер, — „грязного, синевато-багрового, опаленного солнцем, привязанного к земле, которую он вздымает и взрывает“. К нему без, преувеличения можно отнести слова того же Лабрюйера: „он возвращается ночью в свое логовище, где питается черным хлебом, водой и кореньями“. Под предлогом, что итальянский мужик туп и неспособен обучиться чему-нибудь более совершенному пользоваться средствами и орудиями труда культурных людей, на самом деле в силу только подлой скаредности, его заставляют работать, как египетского феллаха. Впрочем, в Египте труд земледельца может сравнительно оказаться даже более благоприятным, так как тамошний климат совершенно здоровый. В Египте не

приходится ни обрабатывать землю, причиняющую своими испарениями тяжелые заболевания, ни купаться в полужидких трясилах зараженных марен.

Кто бы мм поверить, не побывав на месте, что есть в Европе, в великом культурном государстве, целые кантоны, где можно видеть, что каналы для сушки болот прочищаются с помощью простых ивовых корзин, при чем для удаления нагруженных илом корзин пользуются не животными, а бедными женщинами, молодыми дёвушками и детьми, которые буквально залеплены грязью, стекающею из корзин гм на голову и одежду. Это такое зрелище нищеты и унижения, хуже которого ничего быть не может, и кто хоть раз был его свидетелем, не забудет его никогда.

„В том случае, когда крестьянину удастся добиться шк ложения арендатора, стать хозяином мызы, — его страдания становятся легче, его жизнь, хотя еще достаточно тяжелая, делается несколько более сносной, он может обеспечить себе некоторый доход, лучше питаться и лучше одеваться. Но все это лишь при условии быть покорным слугою, безусловно повинуюсь всяким капризам барского приказчика и его сподручных. Горе тому мызнику, который вздумал бы сохранить в чем нибудь даже тень независимости, кто поколебался бы сразу подчиниться какому бы то ни было приказу фаттора:), или попытался бы хоть возражать ему. Горе ему, потому что ничем не гарантировано его положение, никакой формальный договор не обеспечивает за ним на определенный срок владение мызой; у крестьянина договор не скреплен

*) Так называется в Италии лицо, снимающее у помещика его земли и эксплуатирующее их па правах хозяина, либо обрабатывая землю наемным трудом, либо сдавая ее от себя в аренду мелкими участками.

законным документом. Фаттор или *mercansedi compagno* по договору снимает у землевладельца землю, но у крестьянина нет арендного договора, заключенного письменно на срок и имеющего законную силу. Из простых работников его сделали мызником или из „милости“, купленной обычно дорогой ценой, или, что бывает чаще, мыза с незапамятных времен арендовалась предками крестьянина, так что под конец такой крестьянин начинает питать убеждение, что при соблюдении известных условий он на законном основании может пользоваться мызой. Но в действительности это пользование остается все время непрочным, как не основанное на документе, и держится на одном молчаливом согласии, нисколько не заменяющем формального договора па срок. Каждый год, в указанное обычаем время помещик или лицо, его заменяющее, может прогнать крестьянина с занимаемого им хутора и даже без возмещения убытков арендатору. Между прочим точно такой же порядок арендных отношений был в Ирландии до первых существенных, хотя и недостаточных, реформ в этой области”.

“ „Фаттор — временный хозяин в имении. По истечении срока арендного договора с собственником он может быть заменен другим, предложившим землевладельцу более выгодные условия. Поэтому фаттору нечего щадить,

и он мало беспокоится о том, что доведет население до истощения. Как турецкий паша в отношении к управляемой провинции, он имеет в виду только одну цель: как можно скорее разбогатеть, чтобы получить возможность вести в городе жизнь богатого буржуа и стать влиятельным избирателем. Ради этой цели он прижимает крестьян до крайности, заставляет их беспощадно работать в таких условиях, которые при наименьших издержках давали бы наибольшую выгоду"...

“ „К этому надо добавить грубую распущенность нравов под влиянием жаркого климата. Если в семье мызника или простого батрака растет молодая девушка, красота которой на ее несчастье привлекла внимание фаттора или когонибудь из его помощников, тогда родители вынуждены либо принять бесчестие дочери, либо лишиться всего, быть прогнанными с земли, оказаться в безысходной нужде"...

“ „До сих пор новая Италия ничего не предприняла к облегчению страданий своего сельского населения. Политические революции, давшие Италии национальное единство, лишь ухудшили его положение... Поэтому в итальянских деревнях начинает чувствоваться глухое брожение, предвещающее великие осложнения..."

Приведенные страницы написаны в 1881 году; их автор консерватор и добрый католик, следовательно — более склонный разжигать, чем сгущать краски в изображении печальной общественной действительности. Однако мы видим из его обстоятельного описания, как невыносимо положение итальянских крестьян. Но что же! Приходится лишь признать, что таково оно почти везде, во всех почти странах земледелец в полной зависимости от землевладельца, который эксплуатирует крестьянина и заставляет его жить впроголодь. Все писатели, изучавшие положение земледельческого класса в разных странах, вполне согласны в этом отношении. Что же касается до меня, то во всех тех странах, которые по воле судьбы мне пришлось посетить, я мог достаточно убедиться в этой жестокой истине. Но разве даже во Франции, где крестьян принято считать наиболее счастливыми, мы не находим картину, очень близкую к сейчас описанной? Разве мы не знаем, что миллионы людей работают от 12 до 14 часов в сутки на крупного буржуа, получая в награду за свой труд лишь черствый хлеб, да и тот не в волю. Правда, в нашей стране не увидишь хижин из веток и грязи, как в Италии или в придунайских странах, но можно ли признать, что лачуга нашего крестьянина с одним отверстием для входа много лучше, и не чудовищно ли, что земледелец, создающий огромные сельскохозяйственные богатства, которыми мы все пользуемся, сам живет, по милости богатых земельных скупщиков, в лачуге без воздуха, в которой ни один зажиточный буржуа не мог бы пробыть и одного дня, и которая в гигиеническом отношении хуже казармы?

Вообще, какую бы страну мы ни изучали, везде мы находим, что чудовищное богатство крупных землевладельцев основано на нищете земледельцев.

Лица, встречавшие крестьян лишь в пригородах больших городов, где те живут сравнительно сносно, мог подумать, что выше нарисованные картины встречаются в жизни как исключения, а между тем все нами сказанное представляет заурядную действительность во всей ее суровой правде. Для тех, кто еще может в этом усомниться, есть очень простое средство убедиться в истинности наших слов: а именно проверить, насколько заработная плата сельско-хозяйственных рабочих в состоянии покрыть их самые насущные потребности.

Мы знаем (из другой нашей книжки), что человеку нужно" ежегодно потреблять в общем около 1200 фунтов питательных веществ. Переведя на деньги стоимость этого количества продуктов по средним ценам, существующим в деревне, получим сумму в 120 франков (около 45 руб.). Среднюю годовую величину издержек на другие нужды, кроме пищи, также легко высчитать. Мы уже знаем ее: для зажиточного буржуа она составляет 600 франков, для крестьянина самое меньшее 300 фр. (около 130 руб.). Из этих данных получается следующая табличка:

Обязательные расходы крестьянина:

на пищу	120 франков.
на квартиру, одежду и пр.	300 франков.
Всего	420 франков.

Эта сумма в 420 фр., то есть 168 рублей, представляет довольно точный минимум необходимых для крестьянина годовых расходов. Крестьянин, который зарабатывает такую сумму, может при расчетливости удовлетворить первые потребности в пище, одежде и т. п., но у него уж ничего не останется ни на что другое. Одним словом — он не будет страдать от голода и холода, но останется бедняком. И что же! даже тот самый скромный заработок, необходимый крестьянину, чтобы только прожить с грехом пополам, дается не всякому; миллионы батраков его не имеют Знайте же,

счастливы мира сего, что эти 420 фр., которые вы часто прокучиваете в один вечер, не может заработать огромное множество несчастных в течение целого года, трудясь более 3000 часов! Заработная плата в деревне чрезвычайно низка. Огромное число батраков в Италии, Германии, Австрии, Румынии, Франции, Ирландии зарабатывают в среднем менее 5 коп. в день и буквально пухнут с голоду, ходят босые и без рубах. Другие зарабатывают по 1 фр. (37 коп.) в день или 365 фр. в год, — и они все еще являются бедняками. Лишь

незначительное число получает свыше 420 фр. годового заработка, но таких счастливых немного на этом свете. Действительно лучшим доказательством того, что большая часть земледельцев гибнет в нищете, служит то: для всей Европы средняя поденная плата сельскохозяйственным рабочим колеблется между 1 фр. 20 сантимами и 2 франками (45 — 80 коп.). Есть, правда, и такие местности, где наемные земледельцы добывают в год 600, 800 и 1000 фр., но не забудем, что большая часть из них люди женатые, с большими семьями, которые им приходится содержать, а потому, без сомнения, они не освобождены из-под гнета бедности или прямой нищеты. Если сельский рабочий имеет 3, 4 или 5 детей и заработает даже 1000 франков в год, то он никогда не сможет покрыть этой суммой всех своих насущных потребностей. В семье из пяти человек — отца, матери и троих детей (обычный размер семьи французского крестьянина) на одно только прокормление требуется 600 франков. Даже если мать с своей стороны что-нибудь заработает, неужели вы думаете, что при этой сумме семья не будет испытывать лишений? А если количество детей значительно больше? Если их 4, 5, 6 малолетних мальчиков или девочек то не будут ли все терпеть нужду?

Нам немыслимо точно указать численность земледельческого пролетариата, находящегося в положении хронической нужды и нищеты. Мы полагаем, что таких от 40 до 50 милл. человек. Во всяком случае можно с уверенностью утверждать, что добрая треть земледельческого населения Европы и Соединенных Штатов С. Америки зарабатывает менее 420 франков, Этот факт представляется просто ужасным, когда подумаешь, как много должен бы дополучить каждый из этих изголодавшихся работников при равном распределении продуктов земледелия и промышленности между всеми членами общества.

В первом нашем очерке мы показали в килограммах x) долю каждого при таком распределении пищевых продуктов; наш расчет был основан на научных данных физиологии. Интересно теперь выразить в франках стоимость всех продуктов сельского хозяйства, которую мы потом прибавим к стоимости необходимых предметов промышленности. Вот эти стоимости, которые мы получили с помощью официальной статистики.

Средняя годовая стоимость пищевых продуктов, производимых в Европе и Соединенных Штатах за 1881 — 1886 г.

Зернового хлеба	35,084,000,000 франков	
Овощей и плодов	16,660,000,000 франков	
Сахара и меда	1,360,000,000 франков	

Различи, видов мяса	17,873,000,000 франков	
Молока и яиц	14,600,000,000 франков	
Продуктов рыбной ловли	2,000,000,000 франков	
Всего	87,577,000,000 франков.	

Эта сумма в 87,577,000,000 франков 2) представляет стоимость пищевых продуктов по оптовым ценам и на месте их производства. Если мы желаем иметь действительную стоимость тех же продуктов по расчету цен, которые платит сельский рабочий, то должны прибавить к вышепоказанной сумме посреднический барыш, остающийся в руках розничных торговцев. Эта надбавка на предметы питания не очень значительна в деревнях. В общем можно сказать, что торговая стоимость продуктов питания по сельским ценам

*) Килограмм — почти 2 фунта.!

«) В нашей брошюре les Produits de l'Industrie мы привели цифру 78 миллиардов, заимствованную у Мюдьгалла, эта цифра ниже действительности. Но все высказанное нами верно и при исправленной цифре.

составит не менее 100,000.000,000 франков 1). Сумма денег, которую ежегодно можно было бы распределить между всеми жителями Европы и Соединенных Штатов, такова:

стоимость пищевых продуктов	100 миллиард, франк., продуктов индустрии 8141,3 » »	
Всего	9141,3 миллиард, франк.	
По расчету на одного жителя это составит: на пищу	258 франков,	
на предметы индустрии	2104 франка	
Всего	2362 франка.	

Составим общую таблицу, в которой вышеприведенные данные сопоставим с ежегодным средним заработком большинства земледельческих рабочих, считая по 1 франку в день.

Стоимость годового количества продуктов земледелия и индустрии, приходящихся на одного жителя по сравнению с потребностью в них и обычным заработком крестьян в 1887 году:

Произведет.	Потребн.	Зараб.
Пищевых продуктов	258 фр.	120 фр.
Промышленных	2104 фр.	300 фр.
Всего	2362 фр.	420 фр.

Последняя таблица лучше самых красноречивых рассуждений показывает всю гнусность капиталистической эксплуатации, царящей в современном обществе. Производительность земледелия и промышленности доставляет каждому жителю 2362 фр.; для жизни в деревне требуется самое меньшее

*) Не считая вина, которого производится почтл на 4 миллиарда франков.

420 фр., следовательно получается излишек в 1942 фр. от каждого человека. И что же! Класс вампиров-капиталистов не только поглощает весь этот огромный излишек, но он еще удерживает из необходимых средств для существования 50 миллионов крестьян по 55 фр. и больше с каждого. Ему мало поглотить в 10,20 раз больше того, что ему действительно необходимо, он еще норовит урвать кусок от плоти бедняков, чем и завершает свое каннибальское дело<

Вот до чего мы достигли по прошествии 19 столетий после смерти Того, Кого так любят призывать буржуа, лицемерно повторяя, что все люди — братья. Общее положение нисколько не улучшается, как думают некоторые, оно еще ухудшается под влиянием новых экономических условий. По всей Европе слышен стон крестьянской нищеты; со всех сторон раздаются жалобы и рыдания; безнадежное уныние все больше разливается по деревням, и крестьянин все сильнее охладевает к земле. К той самой земле, на которой он родился, которая кормила его предков, он относится с ужасом, с тоской; он устал страдать, унижаться, умирать медленной голодной смертью, — и без оглядки бежит из этого ужасного ада крестьянской действительности, бросаясь на поиски новых более благоприятных условий, при которых он мог бы по крайней мере существовать. Это движение, увлекающее европейских крестьян с их родины, стало непреодолимым; в некоторых странах оно приняло размеры настоящего исхода израилева. Эти, банды голодных крестьян-эмигрантов напоминают великие переселения народов конца Римской Империи и начала Средних веков, когда целые народности перемещались с одного конца

континента на другой. Одна общая цифра может показать все значение этой эмиграции, угрожающей обезлюдить некоторые земледельческие области. В 1884 году из Германии и Англии выселилось 400 тысяч человек; в 1881 г. 453,000 человек.

Эти бегущие с родины эмигранты в огромном большинстве — землепашцы зрелого возраста, которые страстно желали бы не расставаться с родиной, если бы у них была какая-нибудь возможность там прокормиться. Но их гонит нищета; это убедительно доказывается тем, что не решающиеся на дереселения в чужие страны бегут с своего пепелища в большие города. Такое двойное течение в эмиграции — факт всеобщий; и если социальный переворот не остановит его, связав благосостояние крестьян с родною нивой, то в недалеком будущем следует ожидать ужасных последствий. Когда на новых местах все свободные земли достаточно заселятся, а большие города не смогут больше поглощать беглецов из деревни, тогда крестьяне в своем безвыходном положении неминуемо поднимут кровавое восстание, и новая жакерия будет ужасно жестока.

IV. Положение фабрично-заводских рабочих

При чтении предшествующей главы могло показаться, что трудно себе представить более скверное положение, чем положение крестьянского сословия; между тем таковое имеется: городские рабочие еще более несчастны, чем крестьяне. В самом деле, последние, по крайней мере, дышат в течение дня здоровым воздухом, исключая, конечно, местностей с болотными лихорадками. Крестьяне часть года страдают от Голода, но они по крайней мере в ясную погоду пользуются светом яркого солнца, видят кругом дивную природу и хоть изредка имеют возможность растянуться на мягкой траве лугов или в прохладной тени лесов, испытывая невыразимую радость побыть наедине среди необ'ятной жизни всего мира. Городской рабочий лишен и этих радостей. После 12 или 15 часов работы он возвращается в свою сырую, нездоровую конуру или шатается по мрачным улицам густо населенного рабочего квартала. Единственное удовольствие, доступное ему — это засесть в грязном, накуренном кабаке и водкой хоть на время заглушить жестокое сознание своей унижительной нищеты.

Видели ли вы, читатели, рабочие кварталы? Посещали ли вы эти грязные мрачные кварталы, переполненные пролетариатом? Заходили ли вы когда-нибудь в эти заплесневелые, грязного цвета жилища без света и воздуха, где скучены истощенные человеческие существа, с лицами землистого цвета, так что их можно принять за больных, сбежавших из госпиталя? Если вы не видели близко этих ужасных лачуг, и если вы из среды тех людей, которые пользуются всегда благосостоянием и счастьем, то ступайте и присмотритесь поближе к этому зрелищу; оно не усладит вашей души, вы вернетесь в подавленном и мрачном настроении, но вы тогда поймете глубокое значение этих двух слов: социальный вопрос, и если только вы доступны какому-нибудь благородному чувству, то наверное испытаете влечение к тем, кто борется за освобождение человечества из-под гнета нищеты.

Рабочий класс несчастен во многих отношениях, но главным образом потому, что вся его жизнь безусловно противоестественна; физиологически невозможно, чтобы человеческий организм мог противостоять тем убийственным влияниям, которым постоянно подвержен городской пролетариат в тех условиях, в которых ему приходится существовать. Тут влияет не только крайнее переутомление от длинного рабочего дня, не только обычное здесь физическое истощение, сразу разрушающее здоровье работника и преждевременно старящее его; но даже самый воздух, которым он дышит, обрекает его на преждевременную смерть, и хотя бы ничто другое не разрушало организма рабочего, он по одной этой причине не мог бы достигнуть средней продолжительности человеческой жизни.

Всеми современными биологами признано, что чистота воздуха убывает соответственно с увеличением числа жителей, скучившихся на одном определенном пространстве. На широком морском просторе, где нет загрязнения воздуха человеческими отбросами, где ветер свободно гуляет, — воздух совершенно чист; но уже на берегу моря в воздухе начинают появляться микробы, и их количество возрастает все больше и больше по мере того, как от мало населенных местностей приближаешься к крупным городским центрам*. В местах наибольшего скопления людей, в городах с многотысячным и миллионным населением воздух содержит невероятное большое количество всякого рода микробов, а также минеральных и растительных частиц; а в этих городах воздух беднейших кварталов и наиболее тесных и мрачных жилищ содержит наивысшее количество микробов, что объясняется с научной точки зрения очень просто: свет солнца является главным деятелем в разрушении атмосферных зародышей; под его влиянием болезнетворные и всякие микробы быстро слабеют и разрушаются. При недостаточном свете микробы — наоборот — быстро размножаются; в старых домах Парижа в каждом кубическом метре воздуха заключается до 36.000 бактерий.

Во всех больших городах Европы и Соединенных Штатов гигиенические условия почти одинаково отвратительны^ потому что быстрое возрастание населения во всех этих центрах делает скученность неизбежной. В этом отношении Берлин представляет отличный пример чудовищного результата скученности. В 1880 г. более 100.000 людей жили в подвальных этажах; дома рабочих кварталов были до того переполнены, что 200.000 человек должны были размещаться на ночь по 4 и 5 душ в-одной комнатке. С 1880 г. положение вещей еще больше ухудшилось; и то же замечалось и в большинстве других рабочих центров. В настоящее время можно смело утверждать, что нет города, где бы бедные кварталы находились в сколько-нибудь сносных гигиенических условиях.

В загруженной атмосфере, насыщенной болезнетворными микробами, плесенью и вонью, проходит вся жизнь несчастных пролетариев. Богачи, те благоразумно убегают из городов на несколько месяцев в году. Когда они устают от балов и ужинов в своих роскошных городских квартирах, то отправляются на берег моря или в свои замки дышать чистым воздухом и восстанавливать силы. Рабочие лишены этой возможности; они прикованы к своим берлогам, необходимо, чтоб они в них оставались, а ведь это настоящая мука — быть осужденным постоянно пропитываться этим воздухом смерти, окружающим вас. Несчастливым обитателям обширных рабочих городов не ведома радость широко дышать грудью и чувствовать, как о каждом вдохом в нее вливается струя жизни. Грязная смесь, вдыхаемая ими вместо воздуха, обрекает на жалкое состояние их организм, которому недостает здорового румянца от крови, богатой красными кровяными шариками! Это жертвы, заранее отмеченные судьбой. Легочная чахотка беспощадно косит их во цвете лет.

Нужно побывать в больницах, чтоб воочию увидеть разрушительное влияние условий жизни рабочего. Больницы переполнены рабочими. Все формы болезней, все разновидности патологических процессов представлены здесь на этих мрачных койках, занятых в большинстве умирающими. Тело рабочего — всегда открытое обиталище, куда, при полной доступности, во множестве проникают всевозможные заразные начала, и где смерти, этой страшной ведьме, с пустыми глазами, нравится проделывать свои жестокие патологические эксперименты, прежде чем окончательно доканать человека. Мы, все,

хорошо питающиеся, дышащие чистым воздухом, мы так же, конечно, умрем, как и рабочие, но мы не испытываем подобно рабочим того, как в течение большей части нашей жизни нас гложат и разрушают всякие немощи; мы не представляем из себя арены, на которой отвратительные актеры разыгрывают свою страшную паталогическую драму; на нас не обрушивается и нас не мучит весь этот ужасный легион болезней; одним словом, мы не знаем, что значит страдать; рабочие же знают это. Бое или почти все они проходят через больницы, и тысячи их приходят туда умирать после жизни, полной тяжелого труда и бесчисленных страданий. И нет ничего более гнетущего, как заброшенность этих несчастных; в последний свой час они лишены даже отрады пожать дружескую руку перед тем, как низвергнуться в небытие.

Жилищные условия, в которых живет городской пролетариат, составляют лишь одну из причин его физического разрушения, сокращающего среднюю продолжительность его жизни. Характер работ также способствует нреждевременному истощению рабочего, доводит его до болезни и хилости, при чем это зло частью лежит в самой работе, частью зависит от небрежности хозяев, которые не считаются с интересами здоровья рабочих. Особенно печально то, что работающие в самых скверных гигиенических условиях хуже всего и оплачиваются. Убийственный предрассудок неравенства так силен в современном обществе, что буржуазия умудрилась внести разделение на привилегированных и на непривилегированных даже в ряды пролетариата; наперекор простому здравому смыслу — тот, кто занят в наименее тяжелом и неприятном производстве, получает наибольшую заработную плату.

Из всех каторжников труда рудокопы наиболее обделены. Если бы Данте жил на шесть столетий позже и если бы он посетил современные шахты, он бы составил из них один из кругов своего ада. Эмиль Золя дал захватывающее описание жизни шахт в своем Жерминале. Если вы никогда не видели этих бездн, куда ежедневно спускаются сотни тысяч людей, то прочтите это удивительное произведение и вы тогда получите представление о жизни, которую ведут рудокопы в тяжелой атмосфере шахт. Эти несчастные, вынужденные постоянно пробираться ползком по галлерейам, где происходит ломка руд, и работать в скрюченном положении, испытывают настоящие физические муки, когда им приходится пробивать каменные породы. Они должны ежедневно испытывать все страдания, связанные с резкой переменной температуры: они то судорожно стучат зубами от леденящего сквозняка в галлерее для перевозки руды, то Переходят в раскаленную атмосферу галлерей для ломки руд, где вредные газы и водяные пары усиливают страдания. Женщины и дети также участвуют в этих тяжелых работах. Среди женщин, нагружающих вагонетки и выкатывающих их к подъему из рудника, есть молодые девушки 16 и 17 лет. Эти бедные дети проводят От 15 до 18 часов в день под землей и ежедневно нагружают по 70 вагонеток.

Работа в шахтах — настоящий ад, но работы у доменных печей, на прядильных и ткацких фабриках, на химических заводах почти также ужасны. Вообще, можно сказать, что все многообразные производства, составляющие крупную индустрию, убийственны для рабочих. Есть предел физическому напряжению; всякое дальнейшее усилие за этим пределом причиняет страдание и болезнь, — а между тем почти во всех производствах этот предел далеко превзойден. Прибавьте к этому, что труд происходит почти везде при самой

отвратительной гигиенической обстановке: холодные сквозняки, тучи минеральной и растительной пыли, богатой...болезнетворными началами — составляют непрременную принадлежность всех мастерских, не говоря уже о тех производствах, где приходится иметь дело с ядовитыми веществами. Тем же, кому и удастся избежать этих причин истощения и медленной смерти, приходится во всяком случае страдать от недостатка воздуха в тесных мастерских, набитых народом.

Совместное убийственное влияние скверных жилищ, переутомления и нездоровых условий работы признано почти везде. Общеизвестен тот факт, что во всех культурных государствах значительная часть рабочего класса стоит на пути к физическому вырождению. Например, в богатейшей стране мира — в Англии можно наблюдать поразительное явление: там буржуазия, хорошо питающаяся, живущая в здоровых квартирах, хорошо одетая, становится в общем сильнее и здоровее; пролетариат, напротив, мельчает и вырождается. Отправьтесь в Ланкашир, в область ткацкой промышленности, и вы воочию убедитесь в этом попятном движении рабочего класса, сравнив отцов с детьми. Но зачем нам ссылаться на Англию? Разве не всюду то же самое? Физический труд в наше время происходит при таких условиях, что для миллионов людей было бы лучше содержаться в некоторых тюрьмах и каторге, чем оставаться на фабриках и в шахтах: они тогда по меньшей мере всегда были бы обеспечены пищей.

По вышеуказанным причинам жизнь городского пролетариата самая несчастная. Но главный ужас его положения в том, что всем своим каторжным трудом и всеми своими страданиями он не в состоянии обеспечить себе даже насущного пропитания. Человек привыкает все переносить на свете: усталость, тяжелый труд, дурной воздух, не чувствуя уже их вредного влияния, но он никак не может привыкнуть питаться впроголодь: голод — зло жестокое, непримиримое; и это зло современный рабочий осужден испытывать почти всю жизнь. Чтоб найти класс людей, столь же обездоленный как рабочие, надо поискать разве у северного полюса среди народов гиперборейских, которые, имея единственный источник пропитания в рыбиной ловле, испытывают по временам полный недостаток в пище. Факт недоедания среди рабочих — в настоящее время есть избитая истина; его вынуждены признать даже наиболее консервативные писатели. Мы могли бы поэтому уволить себя от труда доказывать общепризнанную истину. Но так как мы решили в этой книжке все подкреплять неопровержимыми доказательствами, то покажем также, почему миллионы рабочих совершенно не в состоянии удовлетворять своим насущным потребностям и потому коснеют в нищете.

Поступим, как поступили мы при рассмотрении этого же вопроса по отношению к крестьянам, т.е. сперва выясним бюджет рабочего. Начнем с расходов на квартиру, пищу и мануфактурные изделия. Относительно пищевых продуктов необходимо заметить, что здесь нельзя придерживаться средних цен нашей первой таблицы, так как, очевидно, что продукты эти значительно дороже в городе, чем в деревне. Сделав эту оговорку мы покажем теперь, каков должен быть минимальный годовой доход рабочего, чтоб его хватало на самое необходимое:

--	--

Наем квартиры	130 франков.
Пища	250 франков.
Одежда, отопление и пр.	400 франков.
Всего	780 франков.

Имеет ли рабочий этот необходимый минимальный заработок в 780 фр.?

1) В некоторых привилегированных производствах — да; в большинстве остальных — нет. Это нетрудно доказать.

2) Около 300 руб.

Вот статистическая табличка средней подневной заработной платы в главных странах мира в 1887 году¹⁾.

	Мужчины.	Женщины.
Соединенные штаты	6 фр.	3 фр.
Англия	4,50 фр.	2,80 фр.
Франция	3,60 фр.	1,80 фр.
Германия	3,12 фр.	1,50 фр.
Швейцария	3 фр.	1,50 фр.
Бельгия	3,05 фр.	1,50 фр.
Австрия	2,00 фр.	1,30 фр.
Баден	2,00	1,25 фр.

Как видно, средняя заработная плата в странах крупной индустрии колеблется между 2 и 6 фр. для мужчины и 1 1/4 — 3 фр. для женщины. Эта средняя величина с первого взгляда может показаться даже достаточно высокой; но не нужно забывать, что рабочий получает плату не за 365 дней в году, а лишь за рабочие дни. Во всех государствах, — в силу ли соблюдения воскресного отдыха или в силу вынужденных прогулов, но в среднем, — число рабочих дней в году не больше 300 (что очень кстати, потому что рабочие не вынесли бы непрерывной работы в течение целого года).

Вот каков в действительности годовой заработок рабочих в перечисленных выше странах:

	Мужчины	Женщины.
Соединенные Штаты	1800 фр.	840 фр.
Англия	1350 фр.	540 фр.
Франция	1080 фр.	450 фр.
Германия	936 фр.	450 фр.
Швейцария	930 фр.	450 „
Бельгия	915 фр.	390 фр.
Австрия	600 фр.	375 фр.
Баден	600 фр.	

О Исклyчительно в крупной индустрии.

Эти цифры доказывают два положения: на существующую заработную плату, как она выяснена официальной статистикой, холостой рабочий может просуществовать почти во всех государствах, женщина — лишь в Америке и Англии; в других государствах она обречена на нищету.

Общественный строй, который доводит до таких чудовищных результатов, дает уже достаточное основание для социальной революции. Но в действительности положение еще хуже, потому что показанный средний заработок, невидимому, довольно высокий, представляет один оптический обман. В самом деле, рабочий живет не один на свой заработок, он женится — это неизбежно. Таким образом, ему необходимо зарабатывать на свои собственные потребности и на прокормление своих детей. Может ли он это даже в странах, где средняя заработная плата наиболее высока? Нет, для рабочего это совершенно невозможно. Возьмем семью рабочего в пять душ; пусть отец и мать зарабатывают оба (хотя это не всегда возможно) и сосчитаем, сколько им нужно ежегодно на прожиток. Примем еще, что каждый ребенок, вновь народившийся, увеличивает общий расход семьи в среднем на 300 франков в год.

Так вот каков на этих основаниях баланс расходов и заработка в рабочей семье из пяти человек.

	Издержки.	Заработок.	Дефицит.
Соединенные Штаты.	2,280 фр.	9 фр.	2,700 фр.
Англия	2,280 фр.	2,190 фр.	90 фр.
Франция	2,280 фр.	1,620 фр.	660 фр.
Германия	2,280 фр.	1,386 фр.	894 фр.
Швейцария	2,280 фр.	1,380 фр.	900 фр.
Бельгия	2,280 фр.	1,365 фр.	915 фр.
Австрия	2,280 фр.	990 фр.	1,290 фр.
Баден	2,280 „	975 фр.	1,305 фр.

*) Сумма в 2280 фр. вычислена для Европы. В Соедин. Штатах издержки значительно выше, потому что жизнь там не меньше! мере втрое дороже, чем в Европе, так что этого среднего заработка в сущности недостаточно для семьи в пять человек, и дефицит там не менее 100 фр.

Итак, семья в пять человек может кое-как прожить на свой обычный заработок только в Соединенных Штатах да в Англии. Во Франции она этого отнюдь не может; во всех остальных государствах она живет в полной нищете. Уменьшите, насколько можете, нашу смету расходов на квартиру, пищу, одежду и пр., допустите, что в некоторых странах цены на предметы необходимости ниже средних цен, вычисленных для Европы; спустите, если угодно, до 1600 фр. сумму годового расхода рабочей семьи в Швейцарии, Бельгии, Австрии, Германии, — и все же при всех этих поправках вы должны признать, что при настоящем обычном заработке в любом государстве невозможно просуществовать средней семье пролетария без мук голода, без того, чтоб она под конец не прибегала к нищенству.

Этого вывода собственно говоря достаточно для нашей цели; но мы должны осветить до конца занимающий нас вопрос. В сознании наших читателей может явиться основательная мысль, что средние величины заработной платы, послужившие основанием для наших расчетов и вычисленные из предельных величин, не могут иметь значения точного мерил рабочих доходов. И это в самом деле так: на известное количество рабочих, получающих

заработок выше среднего, приходится миллионы других с заработком ниже среднего, и, следовательно, положение этих миллионов народа еще более несчастное. Во Франции, наир., где заработная плата больше, чем во многих других государствах, имеется множество рабочих, получающих только от 2 — 2,2 фр. в день. В Италии то же самое. В Бельгии рудокопы местами должны довольствоваться Р/г ФРМы уж не говорим о женщинах; их заработная плата, еще более низкая, равна 1,2 — 3,4 франка в день.

Будем считаться здесь с положением только тех рабочих, которые зарабатывают в среднем 2 франка (таких 20 или 25 милл.), и сравним, как мы сделали это относительно крестьян, — стоимость всех добываемых за год продуктов земледелия и промышленности с общей суммой годовой заработной платы. Взятые по продажной цене в городах пищевые продукты представляют ценность по крайней мере в 220 миллиардов франков г); с прибавлением сюда стоимости предметов промышленности, которая, как мы видели, составляет сумму в 81473 мил л., получим общую сумму в 103472 миллиарда. Приняв при распределении благ общее количество людей попрежнему в 387 миллионов, мы можем построить следующую сводную таблицу:

Стоимость всех продуктов, приходящихся на одного чело~ века по сравнению с потребностями и средней заработной платой одного человека в 1887 г.

Производит.	Потреби.	Зараб. пл,	
Пищевых продуктов	567 фр.	250 фр.	
Мануфактурн. товаров	2,104	400 фр.	
Сумма	2,671 фр.	650 фр.	600 фр.

Из этой таблицы следуют два крайне важных вывода.

1) При равном распределении каждый рабочий мог бы получить продуктов на 2,671 фр.; в действительности он их получает на 600 франков и меньше.

2) При своем обыкновенном заработке в 2 фр. и меньше работник не может оплачивать даже первых потребностей в пище и одежде; у него получается 50 фр. дефицита по этим статьям и 180 фр. дефицита, если прибавить расход на наем квартиры.

В последнем результате всего нашего анализа мы приходим к такому убийственному выводу: при дневном заработке в 2 франка рабочцй не может просуществовать даже один без жены и детей, без всяких других естественных обязательств. Рабочий, которому не хватает 180 фр. на строго необходимое, неизбежно вынужден либо совершенно отказаться от собственной квартиры, если предпочитает есть и одеваться, либо отказаться от пищи и

других предметов первой необходимости, если по обстоятельствам он не может обойтись без своей квартиры. Для несчастного этой категории (повторяю, очень многочисленной) 180 фр. дефицита составляют стоимость хлеба, потребляемого им в 276 дней; отнятые же равномерно от трех статей расходов (квартиры, пищи, одежды), 180 фр. дефицита обуславливают неслыханную сумму лишений и страданий, которую возможно выразить только следующими двумя словами; мрачная нищета!!

*) Чтоб вычислить эту общую сумму, мы естественно приняли те же цифры, как и при вычислении стоимости содержания одного человека в год.

V. Статистика нищеты

Как велико количество несчастных, которых недостаточный заработок обрекает на нищету и бедствия? Никакие статистические исследования не дают тут точной цифры, потому что ни одно правительство не сочло нужным сделать соответствующее исследование, которое только нагляднее обнаружило бы весь позор современного общественного строя. Тем не менее, некоторые официальные данные позволяют косвенным путем оценить вероятное количество несчастных бедняков.

Во-первых, для нас тут полезны официальные списки нуждающихся, составляемые в разных странах государством, коммунами или приходами.

Вот общее количество нуждающихся, полученное нами по Главным странам Европы:

Германия (1881 г.)	1,560,000 фр.
Франция (1882 г.)	1,449,330 фр.
Италия (1881 г.)	1,365,000 фр.
Австро-Венгрия (1880 г.)	1,220,000 фр.
Нидерланды (1880 г.)	1,012,000 фр.
Великобритания (1883 г.)	1,010,000 фр.
Испания и Португалия (1880 г.)	600,000 фр.
Скандинавия (1880 г.)	300,000 фр.
Швейцария (1880 г.)	140,000 фр.
Всего	8,656,330

Таким образом, в настоящее время в Европе,—не считая не объятной России, — имеется 9 миллионов официально

признанных нищих. Допустите, что Россия с ее ста-милдионным населением может выделить только двух нуждающихся из каждой сотни жителей,—расчет более чем скромный,—и вы получите для Европы сумму в 11 милл. круглых бедняков; прибавьте еще 1 миллион на Соедин. Штаты и .вы будете иметь 12 миллионов голодных нищих в так называемых цивилизованных странах мира. Эта цифра 12 миллионов успела значительно возрасти за последние два десятилетия, и можно смело утверждать, что в настоящее время имеется больше 13 миллионов людей, вынужденных обещаться за поддержкой к государству, к коммунам или общественным учреждениям. По этому расчету около одной тридцатой населения вышепоименованных стран живет в нищете!

Но даже это огромное количество бедняков далеко ниже ее действительных размеров. В самом деле, официальные бедняки, живущие на пособие, составляют ведь только малую долю всех нищих. Рядом с бедняками, которые под гнетом неумолимой нужды решились наконец вписаться в официальные списки, есть огромное множество людей, которые из естественной гордости отступают перед этим своеобразным включением в полицейские списки, предпочитая лучше страдать и умирать от голода, чем протягивать за подаванием руку к начальству разных учреждений. И таких—легионы, потому что—к счастью для человечества—в массе пролетариата, которую буржуазия топчет своими ногами, сохранилось удивительно сильное чувство человеческого достоинства: эти массы полуголодных людей сохраняют в глубине души чувство самоуважения. Государство еще не успело включить их в армию воспособляемых, которую она поработает куском хлеба и тем держит в покорности под своим ярмом. Чтобы вычислить истинную численность обездоленных, нужно знать сумму не только официальных, но и скрытых нищих. К несчастью, такой переписи, как мы уже указали, пока не сделано, и мы остаемся при одних догадках. Мы, тем не менее, думаем, что путем изучения данных о заработной плате в разных странах, как в земледелии, так и в промышленности, возможен приблизительный подсчет всех нищих и нуждающихся. Мы посвятили этой задаче продолжительный труд сравнения и вычислений и считаем себя в праве утверждать, что нижеследующие наши цифры весьма близки к действительности.

Количество бедных в Европе и Соединенных IЕman.ах в 1887 г., вычисленное по размеру заработных плат*.

Крестьян	50 миллионов фр.
Рабочих	20 фр.
Всего	70 миллионов фр.

Таким образом, согласно нашим вычислениям, все количество бедных на 58 милл. больше, чем его признают официальные статистики. На первый взгляд наша цифра может показаться преувеличенной, но те из читателей, которые пожелали бы проверить наши вычисления собственными изысканиями, придут к подобным же результатам. Пусть всякий, имеющий сомнение, выполнит самостоятельно следующую маленькую перепись: пусть он сосчитает количество нуждающихся в районе своего жительства, пусть затем вычислит отношение числа нуждающихся к общему числу жителей района и он убедится, что его и наши данные находятся в согласии.

Как бы то ни было, но несомненен тот факт, что нищета масс разъедает современное общество, подтачивает его основания. Официальная статистика признает только 12 милл. голодающих, которым общество время от времени бросает обглоданную кость для того, чтобы они продолжали терпеть. Пусть так; нам довольно казенной цифры; мы не нуждаемся в других данных для подкрепления выводов, которые с непреодолимой силой напрашиваются сами собой.

VI. Заключение

Когда вы беседуете о социальном вопросе с одним из тех буржуа, которые, хорошо пообедав, находят, что все идет к лучшему в этом наилучшем из миров, то такой собеседник не преминет вам высказать, что нищета на этом свете — не больше, как незначительное исключение, „совершенно ничтожная величина“. Если вы в ответ на это сунете ему под нос официальную статистику с ее 12 миллионами бедных, он принужден будет признать, что количество несчастных совсем не так ничтожно, как он думал, но все-таки не потеряет своей самоуверенности и снисходительно станет перечислять вам все мероприятия государства, направленные к тому, чтобы вырвать нуждающихся из нищеты. Он в заключение скажет примерно так: „вы видите, что я прав; нищеты вовсе нет в действительности, потому что о каждом бедняке заботятся коммунальные „приходские власти“. Послушать его, так участь нищих покажется чуть не завидной: ведь у них всего одна забота — являться каждый день за получкой всего нужного для существования; общество предусмотрело сполна все их потребности. Бесполезно говорить, что действительность стоит в полном противоречии с этой идиллией. То, что называют общественным призрением, представляет один из величайших обманов нашего времени: редко столь пышные слова прикрывают такое жалкое содержание.

Все государства цивилизованного мира можно разделить на три группы с точки зрения принятых в них форм общественного пособия. Есть государства, как Англия, где бедные запираются в рабочих домах и обязаны работать, подобно преступникам, под надзором суровых надсмотрщиков. В этих домах милосердия царит такой же суровый режим, как в тюрьмах. Забота о бедных в Англии сводится к лишению их свободы.

Ко второй группе относятся государства, которые, подобно Франции, не имеют рабочих домов, а помогают нуждающимся регулярными или неправильными денежными подачками. В них имеются так называемые бюро благотворительности, учрежденные государством, которые более или менее удачно распределяют пособия. Эта вторая система общественной помощи на первый взгляд представляется менее дурной, но результаты ее деятельности могут считаться отрицательными, до такой степени они ничтожны,

Есть, наконец, третья категория стран — их типичным представителем является Швейцария — где заведывание общественными пособиями лежит непосредственно на коммунах вне контроля и влияния государства. Каждая из коммун обязана по закону помогать всем жителям, существующим в ее пределах, и в соответствующих случаях кормить их. В теории это наилучшая система помощи, но на практике она не лучше остальных двух. В самом деле, всякая коммуна старается как можно меньше тратиться на пособия и чтобы избавиться: от этой неприятной повинности, она прибегает к таким приемам, которые были бы смешны, если бы не были так гнусны. В этом отношении в Швейцарии имеют место факты, которым трудно подобрать название. Самым возмутительным является замаскированная продажа

детей, которая часто практикуется в некоторых кантонах и во французской Швейцарии носит название поставок (mises). Если после смерти бедняка остаются сироты ббз всяких средств, то их должна прокормить коммуна, которая выходит из затруднительного положения, помещая детей у лиц, соглашающихся принять их за небольшое вознаграждение. Детей выводят на публичный торг и кто согласен на наименьшее вознаграждение, тот и уводит их к себе, чтобы пользоваться ими по своему усмотрению. Эти сироты попадают в настоящее рабство, когда их помещают у жадных фермеров, заставляющих работать постоянно, чтобы возместить издержки на их содержание и получить сверх того возможный барыш. Особенно возмутительно в этом варварском явлении то, что очень часто воспитывают таким образом детей, отрывая их от собственной матери под предлогом, что она слишком бедна, чтоб их прокормить. Вот сообщение, появившееся в апреле 1885 г. во всех газетах французской Швейцарии и повествующее подобного рода факте:

„Поставка детей"

„Бернские газеты доставили нам новое сообщено об одной из таких возмутительных „ставок", все еще практикуемых в некоторых кантонах, в том числе и в нашем. Пора бы воспретить их законом как можно скорее Один бедный человек, проживавший в округе Маш, рабочий газового завода г. Биена, внезапно умер несколько дней тому назад. Раньше мужа тяжело заболела жена его. Она оправилась, но после смерти мужа оказалась в крайней нужде с пятью детьми на руках. Машская коммуна решила пристроить их с помощью „поставки⁴. Торги произошли 14 апреля. Несчастливая мать, в неопишемом волнении, присутствовала при торгах и постоянно прерывала судебного пристава. „ Мальчик десяти лет! Кто возьмет мальчика на пансион до конца года?" Любители обсуждали дело между собою: мальчик мог бы пригодиться для собирания навоза по дорогам... Но он слишком оборван и т. д.

— За сколько?

— 40 франков!.. 35!.. 30!.. 26!..

— Уступается за 26 франков!

Мать протестует. Она желает ходить за своим сыном за 20 фран... бесплатно... Пусть оставят при ней ее детей... Она ничего не просит... Завтра наконец она уйдет из коммуны!..

Ей говорят, чтобы замолчала, что она не вправе делать заявлений.

Торги продолжают в том же духе на трех остальных детей.

Мать не перестает плакать, кричать, протестовать. Но тем не менее вскоре все несчастные крошки были размещены. Девочка 8 лет за 31 франк, другая 6 лет за 40 фр., третья едва двух лет за 70 франков... Одно лицо, присутствовавшее при этой варварской сцене по совершенно другим мотивам, с чувством отвращения к происшедшему решилось спросить, не человечнее ли было бы отдать матери ее детей и ту денежную сумму, которую теперь приходится платить в несколько мест за их содержание.

— Она не могла бы никогда обернуться на эту сумму'. — был ответ. Мать не могла бы прокормить детей своих на плату за пансион, выплачиваемый посторонним? Но ведь эти посторонние участвуют в торгах не из жалости или благородства, а делают это ради барыша, хотя бы самого ничтожного барыша. И такие-то будут растить несчастных детей! Как же они это выполняют? Как назвать законоположение, которое под предлогом общественного пособия дает коммунальным властям полномочия лишить мать ее прав на собственных детей и вырывать у нее ее двухлетнюю девочку, чтоб отдать в чужие руки?“

Вот в чем состоит общественное пособие в свободной Швейцарии, которая избрала своим девизом: один за всех и все за одного, и которая является в некоторых отношениях страной наиболее близкой к политическому идеалу.

Нам возразят, что в других странах системы общественной помощи не такие варварские, но если бы мы захотели близко изучить, как поставлено это дело везде, то точно также всюду нашли бы возмутительные факты только в другом роде. Наконец, общественные пособия совершенно не достигают цели, хотя бы по крайней своей недостаточности. Это доказывают ничтожные суммы, расходуемые в разных странах подобными учреждениями. Так, например, Франция на 11/2 миллиона официальных бедных тратит 33 миллиона франков; из этой суммы 5 миллионов уходит на администрацию, остается 28 миллионов, или менее 20 франков на человека. Вы вообразите себе, что может сделать бедняга, пухнувший с голоду, на пособие в 20 фр. в год.

Заметьте еще, что во всех странах официальная милостыня приблизительно такая же.

Почему анархисты не голосуют

26 сентября 1885, источник: [здесь](#). Перевод: Шиитман, по источнику [libcom.org](#).

Всё, что можно сказать об избирательном праве, легко суммируется в одной короткой фразе.

Проголосовать – значит лишиться силы.

Выбрать одного хозяина или многих, на короткий или на длинный срок – значит отказаться от свободы.

Назовите это абсолютным монархом, конституционным королём или просто парламентарием – кандидат, которого вы посадите на трон, в кресло или даже на простой стул всегда будет вашим хозяином. Это персоны, которых вы ставите выше закона, потому что это их миссия – создавать законы и следить за их исполнением.

Голосование приличествует идиотам.

Глупость полагать, что люди, сделанные из того же материала, что и мы сами, моментально получают знание и понимание всего. Конечно же это так. Избранная вами персона получит право определять всё под луной: стандарты, согласно которым должны или не должны изготавливаться спички, то как вести войны, как заниматься сельским хозяйством, или же как лучше истребить племя арабов или нескольких негров. Быть может вы полагаете, что их интеллект возрастет пропорционально избылику тем, по которым им следует высказаться, но история и опыт учат нас другому.

Обладание властью делает людей безумными, парламенты всегда создавали несчастье.

В органах власти, фатальным образом, всегда доминируют те, кто находится ниже среднего уровня, и в интеллектуальном, и в нравственном отношении.

Голосовать – значит подготавливать постыдную измену и предательство.

Избиратели традиционно верят в честность своих кандидатов, и до определённого времени это может даже быть правдой, покуда не остыл жар предвыборной схватки.

Но каждый день имеет своё завтра. Когда меняются условия – меняются и люди. Кандидат, который сегодня выказывает вам почтение, завтра будут презрительно фыркать в ваш

адрес. Из попрошайки, вымаливающего голоса, он превратился в вашего хозяина.

Как может рабочий, которого вы ввели в ряды правящего класса, быть таким же как и прежде, если он начинает говорить на равных с угнетателями? Посмотрите на услужливость нарисованную на лице любого из них, когда они обращаются к промышленным магнатам, или когда король приглашает их в прихожую своего замка!

Атмосфера Парламента не для тех, кто привык дышать глубоко. Она воняет тухлятиной. И если вы отправляете кого-то из своих в гнилое место, то не удивляйтесь, что он тоже вернётся в подпорченном состоянии.

Поэтому не делитесь своей свободой.

Не голосуйте!

Вместо того, чтобы доверить защиту своих интересов другим, делайте это самостоятельно. Вместо того, чтобы выбирать советников, которые будут учить вас как и что надо делать, действуйте сами, и действуйте прямо сейчас! Людям доброй воли не придётся долго искать подходящую возможность.

Моему брату-крестьянину.

Источник: [здесь](#)

«Правда ли», спросил ты меня, «что твои товарищи, городские рабочие, хотят взять у меня землю, ту землю, которую я так люблю, и которая дает мне хлеб, правда довольно скупое, но все-таки дает? Она кормила моего отца и отца моего отца; неужели же дети мои будут лишены возможности кормиться на ней? Правда ли, что ты хочешь взять у меня землю?»

— «Нет, мой брат, это неправда. Ты любишь землю, возделываешь ее, тебе принадлежит и урожай. Ты добываешь из земли хлеб, никто не имеет права есть его прежде тебя, прежде женщины, которая соединила свою судьбу с твоей, прежде ребенка, родившегося от вашего союза. Храни свои поля, храни свой заступ и соху, необходимые тебе, чтобы вспахать затвердевшую землю, храни семена для посевов. Нет ничего священнее твоего труда, — и тысячу раз будь проклят тот, кто вздумает отнять у тебя землю, сделавшуюся кормилицей благодаря труду рук твоих!».

Но то, что я говорю тебе, я не скажу этого другим, которые тоже называют себя земледельцами, но на самом деле не являются ими. Кто эти так называемые работники, эти возделыватели земли? Один родился вельможей. Лишь только успели положить его в колыбель, одетого в тонкие ткани и дорогие шелка, священник, судья, нотариус и другие особы пришли поклониться новорожденному, как будущему владельцу земли. Куртизаны, мужчины и женщины, стекаются со всех сторон, принося дары, дорогие ткани, затканые серебром и золотые погремушки; и в то время, как его осыпают подарками, писцы записывают в больших книгах, что малютка владеет — здесь источниками, там реками, а еще дальше лесами, полями и лугами, там садами и еще другими полями, другими лесами, другими пастбищами. У него есть имения в горах, есть в долинах; даже под землю у него имеются крупные владения, где люди работают сотнями и тысячами. Достигши зрелого возраста, он может быть посетит когда-нибудь эти владения, унаследованные им по выходе из утробы матери — может быть, не даст себе труда даже заглянуть туда; но все равно, продукты собирать и продавать будет он. Со всех сторон, по проезжим и железным дорогам, на речных баржах и морских пароходах к нему будут прибывать мешки золота — доход с его поместий. И что же? Когда у нас будет сила, оставим мы все эти продукты человеческого труда в сундуках этого наследника? Оставим ли мы неприкосновенной эту собственность? Нет, друзья мои, мы возьмем все это. Мы разорвем эти бумаги и планы, мы взломаем двери этих замков, мы завладеем этими имениями. «Работай, молодой человек, скажем мы ему, если хочешь есть. Ничто больше из этих богатств не принадлежит тебе».

А тот другой господин, родившийся бедняком без дворянских грамот, к которому ни один льстец не являлся на поклон в материнскую хижину или чердак, но которому удалось разбогатеть при помощи своего честного или нечестного труда? У него не было ни клочка земли, где бы он мог склонить свою голову, но он сумел, посредством спекуляций или

сбережений, милостью своих господ или судьбы, приобрести громадные пространства, которые он теперь окружает стенами и заборами: он собирает, где не сеял, он ест и подбирает хлеб, который другой добыл своим трудом. Отнесемся ли мы с уважением к этой другой собственности, собственности разбогатевшего бедняка, который не работает сам и называет землю своею, возделывая ее руками рабов? Нет, мы не пощадим эту вторую собственность, так же, как и первую. И здесь также, когда у нас будет сила, мы возьмем эти имена и скажем тому, кто считает себя их хозяином: «Прочь, выскочка! Ты работал когда-то, так продолжай. Ты будешь иметь хлеб, который заработаешь своим трудом, но земля, которую ты не возделываешь, больше не твоя. Ты больше не хозяин хлеба!»

Таким образом, мы возьмем землю, но возьмем у тех, кто владеет ею, не работая, чтобы отдать ее тем, кто работает; но отдадим ее не для того, чтобы позволить им в свою очередь эксплуатировать других несчастных. Количество земли, на которое отдельная личность, семья или группа друзей имеет право, не может превышать размеров, которые могут быть обработаны личным или общим трудом. Как только размеры эти переходят за пределы пространства, которое они могут возделывать, они не вправе будут требовать себе этот излишек; пользование им принадлежит другому работнику. То, что ты обрабатываешь, мой брат, — твое, и мы поможем тебе сохранить это всеми находящимися в нашей власти средствами; но земля, которую ты не возделываешь, принадлежит твоему товарищу. Дай ему место. Он тоже сумеет работать.

Но, если каждый из нас имеет право на свою долю земли, будете ли вы жить отдельно друг от друга? Один мелкий крестьянин, собственник или арендатор, слишком слаб, чтобы бороться зараз и со скупой природой, и со злыми угнетателями; Если он выживет, то благодаря чудовищным усилиям. Он должен приспособляться ко всем капризам погоды и в тысяче случаев подчиняться добровольной пытке. Морозит ли, палит ли солнце, идет ли дождь, или дует ветер, он должен всегда быть на работе; затопит наводнением его урожай, спалит его солнце — он с грустью соберет остатки, которых не хватит ему, чтобы прокормиться. Наступит день посева — он вынет изо рта последнее зерно и бросит его в борозду. В его отчаянии у него остается страстная вера: он приносит в жертву часть своей убогой жатвы, так необходимой ему, в уверенности, что после суровой зимы, предательской и изменчивой весны, после жгучего лета, хлеб все-таки родится и удвоит, утроит, удесятирит, быть может, посев. Какую глубокую любовь хранит он к этой земле, которая заставляет его так много трудиться, так много страдать в постоянном страхе и разочаровании и так ликовать от радости, при виде волнующихся налитых колосьев. Нет сильней любви крестьянина к земле, которую он вспахивает и засеивает, из которой он вышел и в которую вернется! И, однако, сколько врагов его окружает и зарятся на эту землю, которую он так страстно любит. Сборщик податей облагает налогом его борону и берет у него часть собранного им хлеба; продавец берет другую часть; железная дорога его обкрадывает при перевозке товара. Со всех сторон его обманывают. И сколько бы мы ему ни кричали: „Не плати налогов, не плати арендной платы“, — он все-таки платит, потому что он один, потому что он — не доверяет своим соседям — другим мелким крестьянам, собственникам или арендаторам, и не решается сговориться с ними. Страхом и, разъединением держат крестьян в подчинении.

Сильнее в борьбе с общим врагом, государством и баринном, крестьяне, живущие общинами, как задруга и мир в России и других славянских странах. Земля — их общественная собственность и она не дробится на многочисленные куски, огороженные заборами, стенами или рвами. Им не приходится спорить, их ли колос, выросший вправо или влево от борозды. У них нет ни судебных приставов, ни адвокатов, ни нота-риусов, чтобы устраивать их дела с товарищами. После сбора, до наступления поры новых работ, они собираются вместе для обсуждения своих общих интересов. Женится кто-нибудь, родился в семье ребенок или вообще прибавился новый член, — все излагают свое новое положение и берут большую часть из общего имущества, чтобы удовлетворить увеличившиеся потребности. Наделы увеличиваются или уменьшаются, смотря по количеству земли и по числу членов общины, и каждый обрабатывает свое поле, счастливый сознанием, что живет в мире со своими братьями, которые работают тут же на земле, размеренной сообразно потребностям всех. В случае необходимости товарищи помогают друг другу: сгорела чья-нибудь хижина, — все принимаются за постройку новой; размыло дождем часть поля, — уступают другое пострадавшему владельцу. Кто-нибудь один пасет общинные стада, и вечером овцы и коровы сами возвращаются в свои хлева. Община составляет в одно и то же время собственность всех и каждого.

Но, как и отдельная личность, община слишком слаба, если она остается обособленной. Недостает земли для всей общины, — и все должны голодать! Она находится почти в постоянной вражде с более богатым помещиком, который вечно заявляет притязания на то или другое поле, тот или другой лес или пастбище. Она старательно борется, и если бы был только один помещик, она живо справилась бы с его алчностью, но помещик не один: на его стороне губернатор и начальник полиции, за него стоят попы и судьи, его поддерживает все правительство со своими законами и армией. В случае нужды, к его услугам имеются пушки, чтобы расстрелять тех, кто не хочет уступить ему спорную Землю. Таким образом, если даже община будет тысячу раз права, все говорит за то, что власти найдут ее неправой. И как бы мы ни кричали ей, как и плательщику податей: «Не уступай!» — она, как и крестьянин-одиночка, должна будет уступить, в силу своей обособленности и слабости.

Итак, все мы, мелкие собственники — самостоятельные или живущие общинами — очень слабы, чтобы бороться со всеми кто старается вас поработить: с узурпаторами, посягающими на ваш клочок земли, с правителями, вымогающими у вас продукт вашего труда. Если вы не соединитесь вместе, вы скоро разделите судьбу тех миллионов и миллионов людей, которые уже лишены всякого права на посевы и уборку и живут в рабстве наемного труда, находя работу тогда, когда хозяевам выгодно им ее дать, и вечно принужденные христарадничать под тем или иным видом, — то униженно выпрашивая работу, а то и протягивая руку за подачкой. У них нет больше земли, вас может постигнуть такая же участь.

Есть ли, стало быть, такая уж большая разница между вашей и их судьбою? Несчастье их уже постигло, вас оно постигнет не сегодня-завтра. Соединитесь же все в нашем общем несчастье и опасности, которая угрожает вам. Защищайте то, что у вас осталось, и верните себе все потерянное.

Иначе вас ждет тяжкая участь. Не забудьте, что мы живем в век науки и систем, и наши правители, имея в своем услужении целую армию химиков и профессоров, готовят вам такую общественную организацию, в которой все будет распределено, как на заводе, где машина управляет всем, даже людьми, где последние — простые колеса, которые выбрасывают, лишь только они принимаются рассуждать и желать. Так в пустынях Западной Америки, в плодородных областях громадные пространства земли уступлены компаниям спекулянтов, находящихся в прекрасных отношениях с правительством, как все богачи и негодяи, которым посчастливилось разбогатеть. Имея в своем распоряжении людей и капиталы, они превращают эти земли в хлебные заводы.

Вот образчик такой культуры земли в одной провинции.

Ведение хозяйства на этом огромном пространстве поручено одному человеку, являющемуся чем-то вроде генерала, образованному, опытному, хорошему земледельцу и такому же хорошему продавцу, ловкому в искусстве оценивать по их настоящей стоимости силу производительности земли и мускулов. Этот господин живет в удобном помещении в центре своих владений. В сараях у него стоит сто плугов, сто сеялок, сто жатвенных машин, двадцать молотилок; штук пятьдесят вагонов, прицепленных к локомотивам, беспрестанно скользят по рельсам по направлению от вокзалов, стоящих тут же на полях, к ближайшему порту. И пристани, и пароходы, стоящие в порту, также собственность владельца имения. Из его дома ко всем другим постройкам проведен телефон; голос хозяина слышен повсюду. До его слуха доносится малейший шум; он видит каждое движение. Ничто не делается без его приказания; его хозяйский глаз следит за всем.

Но во что превращается рабочий, крестьянин в этом столь прекрасно организованном мире? Машины, лошади и люди употребляются совершенно одинаково: на них смотрят как на сумму силы, которую надо употребить с большей пользой для хозяина: выжать из нее как можно больше продуктов с наименьшими затратами. Конюшни расположены таким образом, что с первого же шага по выходе из здания животные уже вскапывают борозду, которая должна тянуться через все поле, на расстоянии нескольких верст: каждый шаг их рассчитан, и каждый приносит доход хозяину. Точно так же, каждое движение рабочего, лишь только он переступает порог общей спальни, рассчитано, размерено. Здесь нет ни жен, ни детей, которые могли бы отвлекать от работы лаской или поцелуем. Рабочие распределены по небольшим отрядам, имеющим своих унтеров, капитанов и неизбежного шпиона. Каждый обязан методически исполнять данную ему работу, храня полное молчание. Сломается какая-нибудь машина, — ее бросают в лом, если нельзя ее поправить; упадет лошадь и сломает себе ногу, — ее убивают выстрелом в ухо из револьвера и убирают труп. Упадет человек в изнеможении сломает себе руку или ногу, или схватит лихорадку, — его не приканчивают на месте, но прогоняют: пусть умирает себе где-нибудь в стороне, не беспокоя никого своими жалобами.

По окончании больших работ, когда природа отдыхает, отдыхает и директор и отпускает свою армию. На следующий год он всегда найдет сколько нужно наемных костей и мускулов, но он ни за что не возьмет прошлогодних рабочих: они могут претендовать на свою опытность, вообразить, что знают не меньше самого хозяина, плохо повиноваться, и — кто знает? — пожалуй, еще привяжутся к возделываемой ими земле, вообразят, что она

ихняя.

Если бы счастье человечества заключалось в создании кучки миллионеров, ради удовлетворения своих капризов и страсти собирающих груды продуктов, произведенных трудом порабощенных рабочих, то эта научная обработка земли галерными каторжниками была бы идеалом. Какие удивительные результаты дают финансовые предприятия! Количество хлеба, добытого трудом 500.000 человек, может прокормить пятьдесят миллионов; ничтожные затраты на жалкую плату рабочим приносят громадные количества хлеба, которым грузят корабли и продают его в десять раз дороже стоимости его производства.

Правда, если масса потребителей слишком обеднеет за неимением работы и заработной платы, она не сможет покупать все эти продукты и, осужденная на голодную смерть, не станет больше обогащать спекулянтов. Но последних не занимает отдаленное будущее: разбогатеть сначала, идти по дороге, усыпанной золотом, а потом видно будет, — дети выпутаются! «После нас хоть потоп!»

Вот, товарищи-рабочие, какую судьбу готовят вам! У вас возьмут любимую землю, где вы в первый раз увидели тайну хлебного стебелька, пробивающегося сквозь твердую почву. У вас возьмут поля и нивы; вас возьмут самих. Привяжут вас к железной машине, дымящей и шипящей, и в облаках черного дыма вы должны будете вертеть какое-нибудь колесо, размахивая руками десять-двенадцать тысяч раз в день, — это будет называться земледелием. И не думайте тогда помышлять о любви, когда у вас явится желание иметь жену; не поворачивайте голову в сторону проходящей молодой девушки: старший мастер не потерпит, чтобы вы крали время у хозяина. Если угодно будет последнему разрешить вам жениться, и оставить после себя потомство, — значит, вы ему очень понравились; у вас будет та рабская душа, какую ему хотелось видеть в своих рабочих.

Вас ждет будущность рабочего, работницы, заводского детища! Древнее рабство никогда более методически и последовательно не калечило человеческую натуру, чтобы низвести ее на степень простого орудия. Что осталось человеческого в этом истощенном, извращенном, золотушном существе, которое вечно дышит в атмосфере пота, сала и пыли?

Спасите себя, во что бы то ни стало от такой смерти. Оберегайте ревностно вашу землю: она ваша, вашей жены и детей, которых вы любите. Соединитесь с товарищами, земле которых, как и вашей, угрожают заводчики, любители охоты, ростовщики. Забудьте все ваши мелкие ссоры и сходитесь в общины, где все будут солидарны, где каждый клочок луга будет защищаться всеми общинниками.

В количестве ста, тысячи, десяти тысяч человек вы будете уже достаточно сильны, чтобы противостоять помещику и его слугам; но вы не будете еще достаточно сильны, чтобы победить армию. Соединяйтесь же община с общиной, чтобы самая слабая имела за себя всех. Призовите к себе также и всех тех, у кого ничего нет, всех обездоленных городских рабочих, которых, может быть, вас, и научили ненавидеть, но которых надо любить, ибо они помогут вам удержать землю и вернуть то, что у вас отняли. Вместе с ними вы снесете все ограды и образуете огромную общину людей, где все будут работать сообща над своим

счастьем, придавая жизнь и красоту этой чудной земле, дающей нам хлеб.

Но если вы этого не сделаете, все будет потеряно. Вы умрете рабами и нищими. «Вы хотите есть», сказал недавно алжирский мэр депутации безработных, «так ешьте друг друга!».

Родина и человечество

Источник: [здесь](#). Перевод: Вадима Дамье.

Вопрос о том, несовместим ли патриотизм с любовью к человечеству, не может рассматриваться без предварительного определения понятий.

Что такое "патриотизм", взятый в общепринятом смысле, как это подразумевается любой фразеологией? Это исключительная любовь к родине, осложненная соответствующей ненавистью к чужим родинам. А что такое родина? Это крупная или небольшая территория, четко отделенная границами различного происхождения, природными препятствиями, искусственными барьерами или просто линиями, проведенными по чьей-либо воле – сначала на бумаге, а затем перенесенными на территорию.

Если исходить из этих определений, которые, безусловно, соответствуют общей идее заинтересованных народов, в остальном, втройне санкционированной дипломатией, военным режимом и налоговой системой, то необходимо признать, что родина и ее производное – патриотизм суть вызывающий сожаление пережиток, продукт агрессивного эгоизма, могущий привести лишь к разрушению самых лучших человеческих творений и истреблению людей.

Но есть и простые люди, и под этим словом "родина" они понимают тысячи сладостных и прекрасных вещей, которые никоим образом не подразумевают разделение земли на враждующие между собой клочки. Нежный запах земли, на которой ты родился, улыбающиеся лица любящих нас стариков, милые воспоминания об учебе и первых открытиях, сделанных вместе с отважными товарищами, дела, сделанные вместе с другими в юности. И, прежде всего, рассказ, который первым отозвался в наших ушах и в котором мы услышали слова, определившие нашу жизнь, – все это естественное достояние любого человека в любой части мира, где находилась его колыбель. И все это предшествует любой идее от ограниченной родины. Было бы чистейшим софизмом стремиться связать эти чувства с эфемерным полигоном, вырезанным из шара нашей планеты.

Наоборот, существует полная противоположность между этими первыми впечатлениями, которые связывают нас с землей и человеческим обществом, и всеми разделительными линиями, что препятствуют свободному формированию групп людей и намереваются ограничить то, что, по самой природе вещей, неукротимо: симпатию людей друг к другу, их дух взаимной доброжелательности и солидарности.

Исторически родина всегда была дурной и злополучной. Она всегда была господством, на которое претендовали, как на свою исключительную собственность, либо один абсолютный хозяин, либо банда хозяев, организованных в иерархию, либо же, как в наши дни, корпорация привилегированных классов и руководителей. Всегда, сколько бы мы ни

углублялись в прошлое, мы обнаружим, что мирные граждане были обязаны, во имя родины с каждый раз разными границами, работать, платить и сражаться, всегда угнетаемые паразитами, королями, сеньорами, воинами, судьями, дипломатами и миллионерами. И именно эти паразиты, дравшиеся с другими бандами бездельников, возводили барьеры, разделявшие соседние народы, братьев по своим общим интересам. Для того, чтобы защищать или расширять эти абсурдные пределы, велись одни войны за другими: межевые знаки возводились на трупах, как некогда ворота городов.

В наши дни границы более пагубны, чем когда-либо. Хотя они в большей или меньшей мере устарели, их сохраняют более методично и по-научному, чем делали это в прошлом с помощью укреплений, таможен и мобильных стражей. Если торговля умудряется проникать через них, повинуюсь импульсу жизненной необходимости, то это происходит только после длительных объяснений между государствами и строительства крупных военных сооружений. Зона разделения находится под запретом на всем своем протяжении, и с помощью беспрестанных махинаций, с помощью настоящих преступлений возбуждается ужасная ненависть по обе стороны фиктивной границы, проведенной вдоль какого-нибудь ручья, что петляет между лесов и лугов.

И можно считать почти скандальным тот факт, что в век локомотивов и всякого рода моторно-колесных транспортных средств между Францией и Испанией существует всего одна железнодорожная линия, и нет ни одного пригодного шоссе через Пиренеи. Вопреки Географии, не хотят, чтобы две страны соседствовали, не желают того, чтобы они, перестав быть различными родинами, превратились в одну страну одной единой семьи.

Огромный мир принадлежит нам, и мы принадлежим миру. Долой все границы, символы господства и ненависти! Поспешим же, чтобы обрести возможность заключить, наконец, в объятия всех людей и назвать их своими братьями.

Законное развитие и Анархия

Предисловие.

Печатаемый под этим заглавием перевод письма Элизе Реклю, написан его товарищу по изгнанию после Парижской Коммуны, Э. Бо {Б. Веаих), жившему тогда в Аргентинской республике, в Буэнос-Айресе. Под влиянием учений Фурье, Бо очевидно писал Реклю, спрашивая, — не лучше ли было бы заняться мирным строительством рабочих производительных и потребительных ассоциаций, — чем отпугивать людей страшным словом „Анархия" и революцией!

Свой ответ Реклю напечатал в 1818-м году под заглавием „L'Evolution legale et l'Anarchie" („Легальная Эволюция и Анархия") в издававшемся им, вместе с Лефрансэ и Н. Жуковским журнале „Le Travailleur" („Работник'1'). Но его несомненно прочтут с живым интересом, многие задающиеся теперь, в России, вопросом, — куда направить свои силы!

П. Кропоткин.

Законное развитие и Анархия.

Друзья, — слово „Анархия" вас пугает. Вы не решаетесь упогреблять его, . так как боитесь оттолкнуть от себя людей, одушевленных хорошими намерениями, но не решающихся соединиться с вами. Вы опасаетесь, больше всего, так бы не быть совершенно выброшенными из Государства: законная эволюция представляется вам гораздо более надежной.

Революционный социализм вы считаете опасным, потому, что он ко может избежать диктатуры; но вы верите в движение рабочих ассоциаций и надеетесь, что при его помощи можно будет достичь перехода капитала из рук капиталистов в руки рабочих. Вы надеетесь, что народ и буржуазия, в конце-концов, заключат мир, и в мечтах о будущем вы уже предвидите новое 14-е июля (годовщину взятия в Париже Бастилии, в 1789 году), когда совершается примирение народов с верхними классами.

Конечно, слово „Анархия" может отпугивать тех, кто видит в нем только беспорядок, только жестокую, бесцельную борьбу; но мы держимся первоначального смысла этого слова,

который честно объясняется во всяком словаре; а именно: „Отсутствие правительства“. Йе желая уродовать установившийся язык, мы пользуемся словом „анархия“, хотя и жалеем, конечно, что в ходячем языке нет выражения, менее изуродованного неразумным употреблением.

С другой стороны, слово „анархия“ вполне может быть принято теми, кто интересуется социальным вопросом. В сказках, все чудесные сады, все дворцы волшебниц охраняются свирепыми драконами. Прайсов же, охраняющий вход в анархический дворец, не имеет в себе ничего ужасного, кроме слова; так что если кто боится слова, ге бесполезно уговаривать его. У людей, которых может отпугивать клеве, когда не будет двоеточие смелости, чтобы обводить дело.

Они, увы, будут жить в своих предрассудках, со своими привычками, со своими ходячими словами, и будут толковать, на истинноофициальном языке, о „социальном чудовище*“.

Теперешнее общество, дошедшее, так сказать, до границы двух миров, полно самых странных противоречий: и вот где царит вполне „анархия* — в ходячем смысле этого слова.

Войдите, например, в любую высшую школу. Вы услышите, что профессор, говоря студентам о Декарте, рассказывает им, как великий философ начал с того, что произвел всеобщую чистку (tabula rasa), отказавшись от всех предрассудков, от всех „свыше внушенных“ понятий, от всех философских систем. Профессор хвалит его за то, что у него хватило умственной силы и смелости на такую ломку и прибавляет, что именно с той минуты, как было произнесено слово безусловного отрицания, — началось освобождение человеческой мысли. Но у этого самого профессора нашлись бы только восклицания ужаса, если бы студенты вздумали последовать примеру его героя. Мы же, следуя примеру Декарта, который первый посмел назваться анархистом, делаем тоже всеобщую чистку предрассудков, тяготеющих над человеческими обществами и освобождаемся от векового повиновения той нравственности, которую хозяева во все времена внушали своим рабам.

Впрочем мы не во всем последуем за Декартом. Если бы — после того, как он окончательно отверг Бога, Декарт снова не стал бы возстановлять почитание его, со всем его синклитом, духовным и светским, и таким образом осторожно не прошел бы весь прежде пройденный им путь в обратном направлении, то ни князья, ни республики не дали бы ему убежища, и самое имя его было бы навсегда проклято. В университетех, конечно, его не ставили бы в пример студентам.

Что-же до нас, анархистов, то не смотря на преследования, которые не жалеют для нас и не смотря на сыплющиеся на нас проклятия, мы¹ не считаем нужным снова строить государство, от которого мы умственно освободились. Впрочем, вы конечно согласитесь, что это здание — такое, какое оно есть — достаточно безобразно, и вы поймете наше желание его разрушить. Мы вполне достаточно терпели этих пома[^]аников божьих, этих поверенных, ответственных и безответственных; этих законодателей, либо присвоивших себе верховную власть, либо получивших свою долю власти от стада избирателей; этих священников представителей Бога на земле, обещающих местечко в раю тем, кто становится их рабами; и наконец этих собственников и хозяев, располагающих трудом, а следовательно и жизнью,

громаднейшей толпы слабых и бедных, Не нужно нам больше их религиозных предписаний и их яко бы нравственности, которые поработают наши умы и удерживают их в рабстве; довольно с нас ужасных нравов и обычаев, которыми отличается наиболее уважаемое и вместе с тем худшее из всех правительств, как это недавно доказал множеством фактов философ Герберт Спенсер. Но нельзя ли перестроить экономический строй мирным путем, — бесшумно, так сказать, при помощи ассоциации? (*) — понятно что анархисты, более кого-либо, должны рассчитывать на силу Союзов, раз они ждут так многого от свободного соглашения между свободными людьми; но они не верят, чтобы союзы кооператоров были в состоянии совершить серьезную перестройку общества. Попытки, в этом направлении, — без сомнения полезны, и мы должны радоваться, тому что мы дожили до того, чтоб увидеть их; но этого одного недостаточно, чтобы правильно судить об этих попытках.

Человеческое общество представляет целое, которого мы не можем, перестроить, перестраивая одну из его составных частей. Не атаковать капитала, оставлять - нетронутыми бесчисленные привилегии, из которых строится Государство, и воображать что таким путем можно будет вызвать к жизни здоровый организм на этом пагубном фундаменте, — все равно, что выращивать розу на ядовитом растении.

История рабочих ассоциаций — достаточно длинна, и мы. Узнали из нее, как в таких делах успех бывает опаснее неудачи. Неудача есть опыт, позволяющий тем кто его проделал, снова возвратиться в великий поток жизни и революции, тогда как успех бывает пагубен! Ассоциация, успешно зарабатывающая деньги и становящаяся собственником, роковым образом подчиняется условиям Капитализма и становится буржуазной, она учитывает векселя, преследует

*) Под именем ассоциации Реклю, конечно, понимал здесь союзы продовольственные и потребительные в том смысле, как их понимал Фурье, которые должны были стать ячейками для создания нового социалистического строя. — П. К.

по суду своих должников, обращается к адвокатам, сдает свои капиталы в банки, спекулирует на общественных бумагах, увеличивает свои капиталы и не использует их, причем капиталы служат чтобы обирать бедноту.

Если она богатеет, она неизбежно вступает в братство привилегированных и становится финансовою компаниею, которая вынуждена отталкивать от себя тех, у кого ничего нет кроме Нары рук для работы. Отделившись от народа, ставши наростом на обществе, она сама слагается в государство. Вместо того, чтобы оказывать поддержку революции, она яро противится ей; все что у нее было сил в начале своей жизни, она обращает против своих бывших друзей, — не смотря на все доброе расположение своих членов; она переходит в неприятельский лагерь: она обращается в шайку изменников. — Нет, друзья! ничто не развращает нас больше, чем успех! До такой степени, что покуда наша победа не будет победою всех, лучше нам не знать успеха: лучше оставаться побежденными *).

Вы думаете, что всеобщего обновления можно достигнуть при помощи буржуазии, — конечно мелкой буржуазии, которой немедленные интересы тождественны с интересами рабочих? — и это, сдает

*) Кооператоры в России, отказавшись от выдачи своим членам дивиденда взятого из прибыли своих предприятий, сделали громадный шаг вперед, чтобы избавить себя от упрека, делавшегося им сорок лет тому назад нашим умершим другом. Но из его критики остается одно. Как ни велико воспитательное значение производительных союзов, одних их недостаточно.

Но не говоря уж о том, что всякое правительство неизбежно стремится к тому чтобы сосредоточить в своих руках управление производительными силами страны и, по той или другой причине, или под тем или другим предлогом, оно всегда может положить конец свободному строительству жизни если не встретит противодействия этому шагу. Но кроме того, производительные союзы не покрывают двух, весьма важных частей жизни общества — правительственной администрации и образования. И если локлоники централизации, не встретят настоящего отпора, то их идеи, поддержанные всем религиозным и умственным наследием мыслителей, духовенства и правителей со времен древности до сих пор, возьмут верх и сами ассоциации заразятся ими. Нужно, чтобы в обществе создалось и жито сильное противу-централи« заторское и противу-государственное течение, чтобы неустанно бороться с захватчиками власти и поклонниками единовластия, ся мне,оиасиее заблуждение. Никогда не полагайтесь яа касту, и всего менее на эту касту, потому что она считает себя рожденною, чтобы пользоваться привилегиям^ и, вследствие этого, естественно, разделяет предрассудки и стремления привилегированных. Вез сомне|ая, мелкая буржуазия — как и все люди — много выиграла бы если перед нею больше не стояла постоянная угроза нищеты; несомненно верно, что в новом, перестроенном обществе ина получила бы возможность, которой лишена теперь, достигнуть полного развития и де быть вынужденной вечно выпрашивать себе нужные для этого средства. Но в ней есть одна особая, развращающая причина, не существующая у тех, кто вынужден жить работой своих рук, т. е. у крестьян и рабочих. Это ее презрение к ручному труду.

Благодаря своему образованию, буржуа, как крупный, так и мелкий, считает унижением надеть рабочий хомут: его идеал — сохранить свои руки девственными от труда: он раб своего сюртука и своих привычек, дающих ему место среди „господ“; нет унижения которого он не вынесет, чтобы остаться в своем сословии; нет низости, от которой он откажется, лишь бы кроме хлеба, но получил право быть своим человеком среди привилегированных и управителей. Его родители, учителя, друзья, — все они, указывали ему на эту цель, Как на единственно-достойную его вожделений. Трудно даже вообразить себе все мелочные притеснения, которые должны вынести чиновник, „кандидат на должность“, все мелкие низости, требуемые от него, раньше, чем его примут в класс мандаринов. А раз он пройдет через эту давилку, у него уже не остается спинного 1ребта, не сгибающегося на поклоны. Ничего не ждите от него: он уже более не человек. Перебежчики из стана буржуазии будут приходить к нам, и будем надеяться, что они будут все более многочисленны; ио чтобы к нам перешло их сословие, их каста — это невозможно.

Вот почему мы — „уравнители*. Мы считаем, что должны исчезнуть касты, сословия, со всеми их неравенствами, установленными законом; и — не политическим соглашениям, не частными постановлениями, не попытками частных улучшений надеемся мы ускорить день социального переворота. Лучше прямо итти к нашей цели, не увлекаясь побочными, извилистыми треииивкамя, где теряется из вида конечная цель. Оставляясь искремио

анархистами, врагами государства во всех его видах, мы имеем то преимущество, что ничего не обманываем; а главное — мы не обманываем самих себя. Под предлогом осуществления малой части нашей программы, — хотя и с сожалением, что нарушаем другую ее часть, мы не станем вводить себя в искушение желанием попасть во власть, или хотя бы даже желанием взять в ней нашу долю и мы избегнем таким образом, скандала „обращений“, которые готовят стольких властолюбцев, у стольких убивают веру в лучшее будущее, и так глубоко развращают народную совесть.

Между тем, если бы мы стали поддерживать идею государства, подобные „обращения“ были бы неизбежны. Как только революционер» достигает" и попадает в какую нпбудь правительственную раковинку, он естественно перестает быть революционером; превращение его в консерватора, в „охранителя“, становится неизбежным. Из защитника угнетаемых, он быстро обращается в угнетателя; раньше он возбуждал народ, — теперь-же он работает над тем, чтобы обессилить его. Называть по именам совершивших этот переход — нет надобности: современная история называет их, И как же могло-бы этого не быть? „Место" делает человека. Вся машина, вместе взятая определяет работу отдельных ее частей. Как это давно уже заметил известный дипломат, Роберт Вальполь: „Интересы управителей всегда противоположны интересам управляемых". Тот, кто становится членом правительства, неизбежно становится, в силу этого, врагом народа.

Если мы хотим всегда быть полезными нашему делу — делу угнетаемых и побежденных, — научимся никогда не выходить из наших рядов. Ни в каком случае мы не должны отделяться от товарищей, даже под предлогом быть им полезными; пусть наши объединения всегда будут свободными союзами, и наша дисциплина — всегда добровольною. Честный человек всегда должен об'явить стачку, как только речь зайдет о даровании ему титула, власти, делегатства, ставящего его выше других и избавляющего его от какой-либо цоли ответственности. Тогда только революционные силы не будут распылены и народ не будет вынужден постоянно посылать ко власти начальство, чтобы оно его-же угнетало. Вся история человечества не изображается-ли камнем Сизифа, который катился вниз на него самого, после того, как Сизиф с громадным трудом, успевал докатить его до вершины горы?

Что же касается до тех, в ком сидят достаточно рабства, чтобы искать себе хозяев, — пусть они их ищут! Без хозяев они еще долго не останутся. С правительствами происходит тоже, что с религиями. Вы встречаете тысячи людей, говорящих всем с торжественным видом; — „Если -бы все были такие-же, как я, тогда конечно не было бы нужды в правительстве; но для народа оно необходимо. Точно также можно было бы обойтись без религии, но она полезна для женщин и детейИ таким путем поддерживаются правительства и религии. Мы же, дорожим в вы/шей степени свободою для себя, дорожим ею и для других; мы не хотим иметь хозяев и не хотим чтобы одни хозяйничали над другими. Что бы ни говорили защитники государства, мы знаем, что со временем солидарность т. е. их взаимная зависимость, и громадные выгоды, предоставляемые свободною коммунальною жизнью будут совершенно достаточны, чтобы додерживать жизнь общественна™ организма. Лишь бы ее постоянно не нарушали фантазии правителей, бросающие народы туда и сюда, как несчастные стада.

Конечно, с нашей стороны было бы большим заблуждением, если бы мы, в нашем увлечении, полагались на внезапное развитие людей в направлении анархии. Мы знаем, что получаемое людьми образование, полное предразсудков и лжи, долго еще удержит их в рабстве. По какой „Лестнице“ образованности им придется пройти, раньше чем они поймут, наконец, чгэ они могут обойтись без нут на ногах и без цепей, — этого мы не знаем; но судя по теперешним временам, этот путь будет долгий. В то время как духовенство и наставники в школах согласно работают, чтобы поддерживать общее невежество, а генералы, чиновники и полиция со своей стороны развивают дух подчиненности, — те кого народ считает своими защитниками, обещают ему, что они создадут „прочную власть“, способную защищать священные интересы религии и собственности. Не видели-ли мы недавно что собрание, называющее себя республиканским, единогласно голосовало, чтобы выразить благодарность „благородному воинству“ за то, что оно картечью разстреляло гвдцать-пять тысяч пленных и убивало штыками женщин и девочек *)

*) Реклю говорит здесь о Версальской палате. В ШТ-м году, на сле рабгрома Парижской Коммуны, она действительно выразила благодарность войскам, которые разстреливали из тогдашних пулеметов.

Не видели ли мы также как другое собрание, еще более „республиканское“ доказало свою „мудрость и честный здравый смысл“, держа тюрьмы и каторгу полными республиканцев, в то время как оно ухаживало за королями всего света? Все наши законодатели — когда те ярые члены революционных клубов — не обратились-ли они уже в маркизов?

Сколько бы лет, десятилетий или веков ни отделяло нас, и не должно отделять, от окончательной революции, мы тем ни менее, все с той же верою будем работать для начатого нами дела. Мы будем с глубоким интересом изучать современную историю, но мы не примем в ней такого участия, которое было бы изменою нашим убеждениям. — „Пусть“ мертвые хоронят мертвых!“ пусть кандидаты ко власти расхваливают свои планы улучшений в государственном управлении; мы же направим все наши усилия на то, чтобы увеличивать число имеющихся в обществе равных и свободных элементов, хотя бы эти эти элементы были еще разрозненны и отрывочны.

Дело, за которое мы взялись,» вовсе не пустая мечта потому, что в тысячах точек это дело уже подготавливается, — как бывает в химическом растворе, когда в нем начинают уже образовываться тысячи мелких кристалликов, раньше чем вся масса не обратится в твердое тело. Взгляните на великое множество союзов — земледельческих, промышленных, торговых, научных, литературных, художественных, возникающих повсеместно: но служат-ли они доказательством перемены, совершающейся в умах и толкающей нас все более и более в направлении обобществленного труда? А всеобщий упадок старых правил религий и казенной нравственности и рост свободной мысли, — не доказывают-ли Они и рост самоуважения в каждой отдельной личности? и не увеличивается-ли каждодневно число вольных социалистов, живущих как равные, без всяких вождей, дающих им лозунги, без обязательных законов и без всякой другой связи, кроме сознания общего долга, взаимного уважения и сочувствия? Наконец, среди недавно совершившихся событий, разве нет таких которые повидимому предвещают новое будущее? не нам хвалить — Парижскую Коммуну, так как мы сами в ней участвовали, .но ее истеметов (митральез) сдавшихся защитников

Коммуны в числе 35.000 человек и убивали холодным оружием захваченных НИИ женщин. П. К.)

рия далеко еще не нанисана; никто еще ие рассказал, как в этом кипучем котле зарождался уже целый новый порядок вещей, в котором все попы, полицейские и капиталисты более не были у власти. А та», далеко в России, — какое великое зрелище представляют собою эти молодые люди и молодые героини, бросающие свое положение в обществе, свое состояние и бесчисленные радости жизни, науки и искусства, чтобы идти в народ и кончать жизненный путь в тюрьмах и в рудниках! Объединению всех этих разрозненных зачатков великого будущего общества мы и должны посвятить свои силы.

День этого праздника придет: и праздновать будут тогда ие только федерацию народов, но торжествовать будут, объединение людей — свободных и живущих без хозяев,осуществляющих пророчество великого нашего предка, Рабле: Делай то, что хочешь!

Книгоиздательство

1921, источник: [здесь](#)

Книгоиздательство: СОЮЗА АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ „ГОЛОС ТРУДА“.

Петербург. Пр. Володарского, 56. Москва. Тверская, 70.

Выпущены в свет следующие книги и брошюр:

М. Бакунин. — Избран, соч. т. I. Государственность и Анархия, с биография, очерком В. Черкезова

Его-же. — Т. II. Кнута-Германская Империя и Социальная Революция, с предисловием и примечаниями Дж. Гильома.

Его-же. — Т. III. Бернские Медведи и Петербургский Медведь; Речи и Статьи по Славянскому вопросу; Народное Дело; Речи на Конгрессах Лиги Мира и Свободы; Федерализм, Социализм и Антитеологизм

Его-же. — Т. IV. Организация Интернационала; Политика Интернационала; Письма о Патриотизме; Письма к французу; Парижская Коммуна и понятие о Государственности.

Его-же. — Бог и Государство (разошлось).

Дж. Баррэт. — Анархическая Революция.

Я. Боровой, — Личность и Общество в Анархистском Мировоззрении.

Дж. Гильом. — Карл Маркс и Интернационал.

Ж. Грав. — Будущее Общество.

Его-же. — Синдикализм в общественном развитии.

Виктор Дав и Жорж Ивто, — Фернанд Пеллутье и Революционный Синдикализм во Франции,

С. Заяц. -Как мужики остались без начальства.

Ж. Ивто. — Азбука Синдикализма (разошлось).

М. Корн. — Революционный Синдикализм и Анархизм; Борьба с Капиталом и Властью; и др.

П. Кропоткин. — Записки Революционера. Под редакцией автора и с предисловием Георга Брандеса.

- Его-же. — Речи бунтовщика, спредисловием и послесловием автора к новому изданию.
- Его-же. — Хлеб и Воля, с предисловием автора к новому изданию.
- Его-же, — Современная Наука и Анархия (перевод под редакцией автора).
- Его-же. — К чему и как прилагать труд ручной и умственный (сокращенное изложение книги „Поля, фабрики и мастерския“).
- Его-же. — Анархия.
- Его-же. — Анархическая работа во время Революции.
- Его-же. — Коммунизм и Анархия.
- Его-же. — К молодому поколению (разошлось).
- Его-же. — Политические права.
- Его-же. — Новый Интернационал.
- Н. К. Лебедев. — Элизе Реклю, как человек, ученый и мыслитель.
- Его-же. — К истории Интернационала. Этапы международного об'единения трудящихся.
- Э. Малатеста. — Избранные сочинения.
- Его-же. — Анархизм.
- Его-же. — Краткая Система Анархизма.
- Его-же. — Крестьянские речи.
- М. Неттлау. — Жизнь и деятельность Михаила Бакунина.
- Его-же. — Взаимная ответственность и солидарность в борьбе рабочего класса.
- Э. Пато и Э. Пуже. — Как мы совершим революцию, с предисловием П. А. Кропоткина.
- Ф. Пеллутье. — История Бирж Труда.
- М. Р — с кий. — Франциско Феррер и его Новая Школа.
- Элизе Реклю. — Избранные сочинения (с предисловием П. А. Кропоткина)
- Свободное Трудовое Воспитание. Сборник статей под редакцией Н. К. Лебедева.

В. Траутман, Дж. Эттор и В. Сэнт-Джон. — Производственный Синдикализм (Сборник статей об индустриализме, с предисловием А. Шапиро).

С Фор. — Преступления Бога (второе изд.)

В. Черкезов. — Предтечи Интернационала; Доктрины Марксизма; Распад среди социалистов государственников; Наконец-то сознались (ответ Каутскому).

Печатаются и в скором будущем выйдут в свет:

М. Бакунин. — Избранные сочинения том V: „Альянс* и Интернационал. Интернационал и Мадзини.

Дж. Гильом. — Интернационал'(Воспоминания и Материалы) в четырех томах.

П. Кропоткин. — Поля, Фабрики и Мастерския.

Его-же. — Справедливость и Нравственность.

Его-же. — Взаимная Помощь.